Журнал «Рец»

№ 60, декабрь 2009

Выпускающий редактор:
Павел Гольдин

Содержание

Елена Костылева о том как вянут семь пионов 3
Частная территория. Беседа Леонида Шваба и Дмитрия Дейча 6

Игорь Жуков – Сергей Круглов ..... 11 / 18
Вадим Кейлин – Сергей Огурцов ..... 28 / 33
Сергей Шоргин – Виталий Суриков ..... 38 / 41
Владимир Лукичев – Наталья Артемьева ..... 46 / 48
Марк Кирдань – Иван Бекетов ..... 50 / 54
Евгения Риц – Гали-Дана Зингер ..... 58 / 64

Мартин Цамай. *Пер. Андрея Сен-Сенькова* 76
Исмаэль Кадаре. *Пер. Андрея Сен-Сенькова* 77
Визар Житии. *Пер. Андрея Сен-Сенькова* 78
Рита Петро. *Пер. Андрея Сен-Сенькова* 80
Брикена Смайли. *Пер. Андрея Сен-Сенькова* 81
Парид Теферичи. *Пер. Андрея Сен-Сенькова* 82
Ромео Чоллаки. *Пер. Андрея Сен-Сенькова* 83
Таня Бакич. *Пер. Андрея Сен-Сенькова при участии Юлии Шералиевой* 84
Мария Мартысевич. *Пер. Бориса Херсонского* 86
Виктор Жибуль. *Пер. Сергея Шоргина* 90
Сергей Прилуцкий. *Пер. Игоря Белова* 91

Об авторах 96

©2009
Выпускающий редактор: Павел Гольдин
Верстка: Ирина Максимова
Координатор проекта: Павел Настин
Все права принадлежат авторам опубликованных материалов
Все материалы опубликованы с личного согласия авторов

Елена Костылева

если взять простой пион
положить его в песок
будет каждый лепесток
целым до конца времен

о том как вянут семь пионов

ПИОН ПЕРВЫЙ

фетишизируя верхушки сосен
в своем последнем старческом углу
я буду петь когда настанет осень
ту россыпь из пионов на полу

я буду петь как ввинчивался остро
твой каменный твой пламенный язык
сознание уходит очень просто
когда от ласк отвык

когда краснел под языком смелея
твой борин твой венерин пароход
воробышек, засунуть в рот
от нежности белея блея зная
что эта ночь пройдет

ПИОН ВТОРОЙ

Чем тяжелее лепестки
Чем листья легкие богаче
Чем сердцевина веселей, неоднозначнее –
Тем кратче
благополучный внешний вид,
с ума сводящий запах
Мы срезаны в младенчестве с земли
И еле дышим.

ПИОН ТРЕТИЙ

катеты порозовели
danke! danke! в самом деле
Дмитрий Волчек, «Полуденный демон», книга стихов

я еле-еле говорю
но это я тебя благодарю

за то как ты благоговел благому
как танцевал бессмысленный фарфор
в буфете бабушкином ножки из-под юбок
за то как шмель приник к пиону ныне

ты был одно как зрители с экраном
с моим покорным субмиссивным телом
и еле-еле отвечала да

кого же мы тогда благодарим
кто реял нежен и незрим

ПИОН ЧЕТВЕРТЫЙ

младенца крик поэзия в пределе
и вопли тех кому не мед лобзать

девушка пела
в смертельном теле
о том как нельзя сказать

ПИОН ПЯТЫЙ

…и ты не остывал.
все то же
вчерашним солнцем как в глаза песком
и родинки неслись по коже как будто кофе с молоком

моих неряшливых пионов
слабеет цвет пустой
истошно-белых не влюбленных
но венчаных **ПИОН ШЕСТОЙ**

Я вышла на веранду, день возник
И мне сначала показалось

что шесть
А так совсем не может быть
Переступи порог скорее
Забудь об участи того поэта
Их было семь
Я все пересчитала
Их либе дих

Но уезжай.

ПИОН СЕДЬМОЙ

что же это за страна
где в двадцать лет согбенная спина
и ненависть неволит мой цветочек
закрыть соски и прикрывать живот от зрителей закрытого показа
пришедших вопрошать: зачем герой не действует
зачем он так пассивен
и почему все так себя ведут
как ненормальные
и в чем же смысл

езжай туда, где все рождаются в рубашках
в цветочек сразу и во рту со сложной сервировкой
где все цветы
не вызов а реальность

пока ты здесь в своем сопливом гетто –
здесь нет сюжета

и каждый день без новостей
уже подарок для детей

прощай моя нелепая ундина
я не вотще молю тебе судьбы иной
вверяю тебя в руки господина
с прямой спиной
он ухает как филин и пророчит

в ту ночь что ты трудился надо мной
над нами жалобно незримый реял волчек
притянут нашей нежностью земной

23 июня 2009

Частная территория

Беседа Леонида Шваба и Дмитрия Дейча

Дмитрий Дейч:

Всякий раз когда я имею дело с твоим текстом, возникает ощущение, что там, на том конце провода — живое существо. Это очень странное, почти неосознанное, тончайшее, пронизывающее подобно электрическому току ощущение. К этому невозможно привыкнуть. Наверное, нечто подобное чувствовал Алладин, когда холодный металл заговорил с ним. Из всех артефактов культуры, которые меня окружают, подобным свойством обладают немногие, и среди прочих — Моцарт, который был известен тем, что умел писать сразу начисто. Вот этот факт вызывает и всегда вызывал у меня недоумение. Были ли у тебя стихи, которые сами себя написали — и сразу, целиком, почти без твоего участия?

Леонид Шваб:

Такие стихи были, но крайне редко. Обычно же все происходит не то что бы трудно, но м-е-д-л-е-н-н-о. Я очень медленно пишу, как панда. Я и в быту хотел бы раза в два-три умедлить ритмы, мне кажется, что неспешность и душевное здоровье крепко взаимосвязаны. Были и тексты, которые сочинялись неимоверно трудно. Должен признаться, что я в полной мере прошел через психоз перфекционизма, в 90-е у меня постоянно были на руках 15 — 20 текстов. Сочинялся новый текст, выбрасывался старый, и так было долго. Мне кажется, что, например, на твоих просторах подобный подход немыслим, что скажешь?

Дмитрий Дейч:

Да нет, у меня как раз так и было. В 90-е годы было пять-шесть текстов, которые всё время переписывались. И в итоге стёрлись совсем. Их нет больше. Сейчас я понимаю, что так нельзя писать. Вернее — можно писать, но написать ничего нельзя. Но, в общем, мы же не ради этого пишем, не ради результата? Вообще, что такое *результат* в работе над текстом? Он есть? Или его нет?

Леонид Шваб:

Результат... Не знаю. И ради чего мы пишем — не знаю. Я много лет провел в странной изоляции, возился со своими 15-ю листиками, а вокруг кипели страсти наши литературные, и в Иерусалиме, и в Тель Авиве. Издавались газеты, журналы, и мне хотелось быть причастным, но, наверное, ходил не по тем улицам. Так вот, схема была проста — ты пишешь, и сам решаешь, хорошо или плохо. Один. Я убежден, что в каждом из нас есть инструменты, позволяющие почти точно определить хорошо или плохо ты написал. Была в той моей тогдашней ситуации определенная честность. И результат вычислялся по двоичной системе — либо текст выбрасывался, либо присоединялся к своду.

Однажды я пришел к выводу, что литература это не самое главное в моей жизни. Обычные человеческие отношения, например, неизмеримо важнее. Текст, конечно, крепко-накрепко привязан к своему времени, но не только ко времени — ко всем твоим домочадцам, друзьям и знакомым, к птицам и деревьям вокруг тебя. Поэтому результат, может быть в том, сумел ли художник «изобразить» это ВСЁ, желательно ничего не выдумывая и не теряя лица.

Как раз сегодня Глеб Морев поместил у себя в ЖЖ давнишнюю мою заметку о Саше Шарыпове. И вот что я там нахожу (извини, самоцитирую):

> «Мне кажется, что чувство родства может и не включать понимания. Это самое родство настолько тонкая материя и, я думаю, нет ничего важнее на свете, чем родство, близость или как там это называется. И пишем мы, может, затем, чтобы породниться с кем-то, кого и на свете, может быть, нет».

Дмитрий Дейч:

Я недавно как раз говорил об этом с Маргаритой Меклиной (извини, самоцитирую))): «Если заглянуть внутрь, попытаться проследить истоки текста, выяснится, что текст всегда подразумевает такую возможность — возможно, графомания в крайних ее формах и есть маниакальное желание прикосновения. Единовременное касание сотен или тысяч рук, пальцев — фрагмент счастливого сновидения...» Но если на мгновение забыть о тексте, быть может, всё, что мы делаем, все побудительные мотивы нашей деятельности сводятся к этому единству? Включая мотивы самой нелепой и разрушительной деятельности — убийства, например?

Леонид Шваб:

Предлагаю заключить договор о несамоцитировании. Увлекательное занятие. Я первый начал, виноват.

Вопрос твой неясен, но если говорить о каких-то мотивах лично моих действий — наверное, это желание не испортить существующий порядок вещей. Я очень серьезно отношусь к свободе выбора, и в сочинительстве тоже.

Дмитрий Дейч:

Вопрос в том в какой степени эта свобода существует? В самом ли деле мы выбираем что писать (шире — кем быть, куда жить, где спать и т. п.)?

Леонид Шваб:

Это настолько важный вопрос, что ответ, мне кажется, должен следовать с префиксом «я убежден». Итак:

- я убежден, что степень нашей свободы определяется нашим желанием эту самую степень определить. Т.е. речь идет о бесконечности.

- я убежден, что ответственность за бесконечную возможность выбора целиком и полностью лежит на нас.

- я убежден, что если мы НЕ выбираем (или недовыбираем) кем быть, куда жить, где спать и т.п., то это происходит только и только от личной нашей трусости, маловерия и нежеланием нести ответственность за свой выбор.

Дмитрий Дейч:

Довольно убеждённый ответ. Хотелось бы, однако, прежде *убедиться* в том, что «мы» — те «мы», которые способны сделать этот выбор, в самом деле существуем именно как субъект выбора. Давай попробуем разобраться. Кто же тот «я», который способен выбирать? мои — разум? — тело? — воля? Когда ты часами, днями работаешь над текстом, разве не появляется у тебя ощущения, что вдруг открывается дверь в язык, где ты — сам по себе, как единица себя — больше не существуешь? И разве не бывает у тебя ощущения, что текст, над которым ты работал — больше, чем ты?

Леонид Шваб:

«Работаешь над текстом» это вряд ли я :).

Вопрос твой совершенно законный — что есть выбор в системе автор-текст. Хорошо, давай представим некий камертон, звук которого необходимо уловить и настроить под него свои оркестры и хоры. Это и есть, пожалуй, выбор — если камертон молчит, то будь добр, не сотрясай воздух, распусти оркестрантов и иди гулять. Мне кажется, мы много лишнего пишем... Но если звук громок и отчетлив, гулять категорически нельзя — и тогда (ты совершенно прав) ты как единица действительно размазываешься неизвестно по каким горизонтам.

Дима, а почему тебе интересна «технология»? Разве если бы Моцарт не умел сочинять без черновика, что-то изменилось бы? Мне гораздо интереснее, что происходит с текстом после того, как он завершен. Начинается путешествие во времени, и ни пресловутое мастерство, ни количество строчек никакой роли не играют — путешествие может длиться вечно, а может закончиться, не начавшись.

Дмитрий Дейч:

Меня интересует не технология, а процесс. То есть — не только то, что происходит «по эту сторону», но вообще — *что* происходит на самом-то деле? И я спрашиваю об этом у всех, до кого могу дотянуться. Потому что сам не могу ответить на этот вопрос. Могу только предположить...

По поводу «путешествия во времени» — хотелось бы, чтобы ты уточнил, что имеешь в виду.

Леонид Шваб:

Уточняю. Радикальный пример. Скромная учительница в начале 20 века сочиняет «В лесу родилась елочка». И с того самого дня мохноногая лошадка бежит из вчерашнего дня в день сегодняшний, не останавливаясь и не уставая никогда. Как это работает, почему среди тысяч и тысяч рождественских стихов и песенок звучит именно эта?

Я хочу сказать, что это напоминает игру в биллиард на бесконечном столе без бортов, и сила тяжести в момент удара по шару в редчайших случаях — исчезает. Что приготавливает и создает этот редчайший момент? Мастерство/профессионализм? Понятно, что нет. Преданность делу, иногда вполне болезненная? Не то. Душевное здоровье или нездоровье? Этого мало. Так называемый талант, «драйв»? Этого мало. Я вижу, что начал цитировать известные строчки Арсения Тарковского, впрочем, речь там шла несколько о другом.

Совершенно неясно и то, что происходит с текстом, после того как текст отделился от автора. Для меня очевидно, что влияние автора на текст продолжается.

Дмитрий Дейч:
А текста на автора?

Леонид Шваб:
Ну конечно. По касательным — все время, магистрально — пожалуй, редко. Есть совершенно забытые тексты, но они существуют и могут предъявить в какой-то момент свои требования. Текст — автор — текст, почти по Марксу, только жестче.

А тебе не кажется, что твой интерес к т.н. процессу происходит от неуверенности в реальности этого самого процесса?

Дмитрий Дейч:
Скорее в реальности автора. Меня самого, то бишь... Вот, кстати, Григорий Дашевский пишет: «В стихах Леонида Шваба сновидение впервые превращается в разновидность стихотворной формы», но в самом ли деле это именно *сновидение*? У меня такое ощущение, что за твоим текстом расположена реальность, по сравнению с которой сновидением кажется наша повседневная жизнь.

Леонид Шваб:
Я бы не решился повествовать о своих снах. В моей системе координат это просто исключено. Сон есть материя невероятная и, главное, чрезвычайно личная, то есть — не навынос. Я знаю, что ты считаешь иначе. Проницательнейший Дашевский говорил скорее об эстетике *сновидения,* я думаю.

Реальность автора текста... А реальность автора поступков? Алогичные, вернее вне-логичные поступки совершает буквально каждый. Психологи безусловно объяснят ЗАЧЕМ, но не объяснят КТО.

Возвращаясь к текстам. Существуют таланты-ретрансляторы в чистом виде, ну что ж, это, наверное, и есть чистое искусство. Для меня воля автора существует, с многочисленными оговорками, конечно, но — существует. Автор, обуреваемый своими персональными страстями, вычисляет «свои» пейзажи и ситуации и держит (или нет) дистанцию сообразно своим представлениям о правильно-неправильно.

Дмитрий Дейч:
Возможно ли вообще «неправильно»? Всегда ли то, что было для тебя «правильно», оставалось таковым на протяжении длительного периода времени?

Леонид Шваб:
Конечно, это смешно — правильно-неправильно. Не с каждым «неправильно» я стану сегодня выяснять отношения, иначе, как ты справедливо заметил выше, просто невозможно будет что-то сделать. И тем не менее существует, я бы сказал, детский черно-белый подход к тому, что ты пишешь, и, как мне кажется, лучше бы обходиться без оттенков. Неправильный текст это двухмерное пространство.

Дмитрий Дейч:

Я в последнее время всё чаще прихожу к выводу, что «двухмерного пространства» в тексте не существует. Что любой текст, каков бы он ни был — объяснительная записка, газетная статья, донос — любой, с потолка взятый текст, предложение из двух слов, одно-единственное слово, и даже одна буква, многоточие — часть некой системы, большей, чем текст, большей, чем любой из нас, и — что самое невероятное — живой. Способной с нами общаться. Живой — не в метафорическом смысле, а в прямом. Живое существо. Неорганическое. Что ты об этом думаешь?

Леонид Шваб:

Я очень рад, что ты это сказал. Именно живое. Именно неорганическое. Для меня двухмерное пространство существует в системе автор-текст. Ты выпускаешь своих уродцев на волю, и они найдут себе компанию, в этом все и дело. Я повторюсь — мы действительно пишем и публикуем много лишнего.

Выбор автора — это распознать, что кроме длины и ширины в тексте присутствует вертикальная составляющая. Автор видит, не может не видеть. Даже если через много или немного лет переменятся вкусы и обстоятельства, текст изначально существовал в объеме.

Дмитрий Дейч:

«Объём» текста, о котором ты говоришь, насколько это — субъективно? Скажем, упомянутая песенка про ёлочку, насколько она «объёмна»? Какое отношение «объём» имеет к той самой судьбе текста, о которой ты говорил несколькими абзацами раньше?

Леонид Шваб:

Ты как-то цитировал Хвостенко:

Мыши
Маленькие мыши
Мыши-мыши

На мой субъективный взгляд, также как и на твой (а разве бывает объективный?) — это останется навсегда. Мы это просто знаем. Субъективно знаем. Я не знаю есть ли здесь объем, это не мое дело. Я говорил об авторе и его выборе. «Правильный» или «неправильный» текст, объемный или плоский — решать автору и только ему. Между текстом и автором существует зазор. Мне кажется, что это частная территория автора, и никому стороннему туда ступать не рекомендуется.

Игорь Жуков

Сергей Круглов

КОРАБЛЬ «ПОПЫТКА»

1
у каждого поэта должен быть
персональный позор

2
стало привычным делом
исчезновение с присутствием

3
невидимки
пишут анонимки
на могилах их —
рентгеновские снимки

4
а ты читаешь письма
которые тебе никогда
не писали
а у тебя в лице —
отсутствие социального здоровья

5
когда капитан Джеймс Кук
на корабле «Попытка»
прибыл на Таити чтобы наблюдать
прохождение Венеры через диск Солнца
он обнаружил рай
разве что таитяне
любили подворовывать
особенно металлические предметы

гвозди
оказались большой ценностью
на корабле Кука
за несколько гвоздей
можно было купить отверстия
самых прекрасных таитянок

какое удачное название у корабля!

6
рогоносцев
статистически гораздо больше чем
проституток
но проститутки компенсируют
недостаток поголовья
интенсивностью труда

как гвардейцы
как птички

7
и ведь вот как выходит —
каждый день кажется что
завтра — в школу
в первый раз
но при этом — что
лет 40 остаешься на второй год
в первом классе

8
столь любезные и жутковатые сердцу
предметы —
пограничные ситуации дворников
сбои метра и ритма в стихах красавицы —
как хромота чёрта,
традиционный мерцающий холод
петербургского смысла ввергающий в жар,
ужас и содрогание от прекрасного вплотную

присутствие опасности в спасении
оргазм визионера в момент откровения

аттракция
подземной
психической
болезни

9
что-нибудь да поможет
жить с персональным позором и не дать позору
растоптать тебя

10
нет вообще!
человек на корабле «Попытка»

отправляется из Плимута в Тихий океан
на почти неведомый остров
чтобы наблюдать
прохождение Венеры через диск Солнца
редчайшее астрономическое явление —
2 раза в 121 год через 8 лет —
хотя на самом деле
чтобы искать неизвестный Южный Материк
для британской короны —
и попадает в рай
к альтернативным девственницам

называет один из мысов
мысом Венеры
наблюдает Венеру
с мыса Венеры

постигает
подлинную
ценность
гвоздей

какое удачное название у корабля!

11
и вдруг оказываешься
среди бела дня
у Троицкого собора в Петербурге возле
Колонны Славы
из ста четырех трофейных турецких пушек
в честь победы в Русско-Турецкой войне
разрушенной большевиками в 1930 году
и переплавленной тогда же
в Германии
за 11 лет до блокады —
но она есть

12
гвоздя что ли не хватает?
не хватает гвоздя?!
тут целых 104 пушки!

13
впрочем
главный невидимка убит
простой лопатой

как бедный дедушка рыжего —
тоже рыжий

14
и никто
никогда
не съест
капитана Кука
пока он в раю

15
какое удачное название у корабля!

ЧЕХОВ И

1
был ли у Чехова револьвер?

2
я сижу и смотрю как играют дети

3
шимпанзе превосходят человека
в области кратковременной памяти
но кратковременная память
у шимпанзе с возрастом слабеет
быстрее чем у человека

молодые шимпанзе
более способны к воспроизведению
счастливых комбинаций чем
молодые люди

с возрастом же
и у шимпанзе
и у людей
счастливые комбинации поддаются
воспроизведению всё более чудом и
кратковременная память в этом деле
уже не имеет большого значения

4
пусть старость будет
душевной

игривой
молодой
и красивой
как блядь

5
сейчас опять лягу с Чеховым
любовь у нас

6
доктор Астров записывает:
«в Пенсильвании олени
разгромили пивной магазин
но не напились

двоих оленей поймали а третий
случайно прыгнул на тележку
и выехал
через черный ход

отразится ли этот факт на судьбе лесов?»

7
— разве прекрасное не может быть злым?
— прекрасное не может быть злым
но может
— а злое может быть прекрасным?
— злое может быть прекрасным
но не может

8
у меня мурашки с копытами
они по мне бегут
и я дрожу как земля
тот самый лисенок который выел
внутренности спартанскому мальчику
лает что он любовь

да! сложные у меня отношения с фауной

9
доктор Астров живет в Золотом Веке
доктор Астров сажает лес
если бы он знал что этот лес
через 50 лет
будут валить

зэки гулага —
скорее всего его дети —
стал бы он сажать этот лес?

10
если наше счастье — это несчастье других
было бы крайним неуважением
к несчастью этих других
пренебрегать нашим счастьем

11
видимо
живя в Золотом Веке
особенно невозможно чувствовать себя
счастливым
видимо
Золотой Век загоняет ад внутрь
счастливцев

12
Чехов в Японии
ходил в публичный дом
с симпатией отзывался
о прекрасных японских проститутках

я хочу быть японской проституткой

13
через 100-200 лет
дядя Ваня попадет в поганого профессора
даст по морде Астрову
ляжет с Еленой Андреевной
станет Шопенгауэром и Достоевским
и отомстит за всех нас

14
великий кентавр Хирон
случайно ранен
отравленной стрелой Геракла —
своего ученика
теряет пенсне и просит шампанского
страдает от страшной боли так что
готов отказаться от бессмертия
идет прочь и запрещает
кому бы то ни было
следовать за собой

Геракл не слушается
и делает свое
Тихое Дело —
не менее важное чем
12 подвигов и взятие Трои —
Геракл крадется следом
прячется за кустами и скалами
крадется и непрерывно
смотрит на Хирона

смотрит
долго-долго
тихо-тихо

как Чехов

15
доктор Львов в «Иванове»
доктор Дорн в «Чайке»
доктор Астров в «Дяде Ване»
доктор Чебутыкин в «Трех сестрах»

в «Вишневом саде» доктора нет
всё

16
за моим забором — психбольница
сумасшедшие кричат как обезьяны
как я внутри

ребенок во мне хочет чтобы ты
взяла его на руки
взрослый во мне хочет
взять тебя на руки
иногда они ссорятся до драки

тень верности чернее чем тень любви

17
опять полнолуние
я опять сфотографировал Луну
а потом родил культурную единицу
и рецепт умеренного счастья

18
дело в том что
Константин Гаврилович промахнулся

Сергей Круглов

Игорь Жуков

ЕДИНОРОГ И ДЕВА

тёмным переулком идет она
почистилась в очередной раз
как ноет зажимает низ живота
хотя врач был спец
маратик всё проплатил
козёл
хотя почему козёл бывают вообще козлы
маратик не бьёт но и денег нет
и не будет
месяц работать за так за долги
врач сказал: всё
матку можешь подарить —
детей тебе теперь не видать
детей блин детей
каких там детей
как это: детей
мама мама кто там на небе есть
мама отвернись не смотри на меня

смотрит вверх
над переулком в аспидной темноте
ярче реклам жгут ночь
четыре звезды
три маленьких вокруг большой
большая — гляди: это звезда полынь
(мама говорила такая всходит к войне
мерещится ё-моё
нюхнуть но нет денег на кокс)
грозно сияет вращается
звезда полынь
не лучи — копья иглы мечи
возмездие-звезда справедливость-звезда
гейм почти овер

грозно спрашивает карающая звезда
у маленьких трех: что
сделаю Я фанту сему?

(сердце потекло вниз
красная вода в глазах)
три маленькие звезды
три леденцовых малыша
встали вокруг большой говорят
безгубыми ртами
плачут выжженными солью очами:
нет Христе нет
только не маме только не маме
чур не считово! мы
так не играем

и звезда стремительно
рушится вниз в переулок

и грозная тень —
чудовище во лбу
острый прободающий рог —
затмила неон
окон глухих огни
выросла на кирпичной стене
приблизилась неумолимо

она бежала изо всех сил
(проклятый каблук хрясь
сердце порвано в хрип)
лужи фонари
все как в кино но какое на хрен кино
жить! жить! жизнь
что ты такое жизнь
кто ты такая за что!
нет! квадратно ухмыльнулся: да
выросший впереди бетон
(сзади — грохот копыт
рог ломающий позвонок) —
это тупик

как в книжке или в кино:
«внезапно безразличие овладело ей» —-
как в книжке или в кино
жизнь ты чужая жизнь
жадно спешила жить чужим
своей — не успела пожить
свою — не умела узнать
вот и вся вина (приговор: виновна)

внезапно
безразличие овладело ей — на долю
секунды
— и острое горячее жалкое
хлынуло вверх туда
где было когда-то сердце

мама мама! кто там на небе есть
мама повернись посмотри на меня

скорчилась под стеной
лицо закрыла локтем
и тихо приблизившийся грозный единорог
осторожно ласково возложил
на колени в драных — шов пополз — сетчатых чулках
серебристую седую главу

* * * * *

Ходдиону

агентство новостей сообщает
вчера в музее современных искусств
религиозным фанатиком (имя
в интересах следствия неважно)
был совершен акт вандализма

как сообщил охранник музея
на его вежливые призывы
«дедушка здесь не храм здесь
нельзя молиться
отрежу руку!» — неизвестный не реагировал
встав на колени
возле «Чорного Квадрата» Малевича
вандал совершил перед шедевром абстракционизма
земной поклон

после чего на чорном
появился крест светоносного цвета
маньяк задержан

руководитель группы экспертов
в интервью сообщил что процент вероятности
восстановления бессмертного шедевра
к сожалению невысок

тщательные исследования креста
(углеродный анализ взятых соскобов
биохимическая проба по Стокеру-Недотыкомко
прочие методы)
внятных результатов не дали

установлено только как пояснил ученый
что вещество белкового типа
четвертой группы

ведется следствие

особую (комментирует ситуацию
обозреватель агентства новостей)
озабоченность налогоплательщиков
вызывает тот факт что данный
неединичный случай
вновь подтверждает несовершенство действующего
законодательства в области этого
перед лицом Того

* * * * *

«И мертвец вниз поплыл снова
За могилой и крестом»
(А. Пушкин «Утоленник»)

«Эх, жаль, что во храме Божием не можно люльки выкурить!»
(Н. Гоголь, «Вий»)

охранник храма Христа Спасителя
был поутру найден поседевшим
в помещении Подземного гаража

санитарам вызванной скорой
он рассказал что в полночь
пол гаража стал как бы стеклянным
и сделалось вдруг видно
во все концы света

и тысячи пловцов
полых позеленевших
всплыли со дна

«бесамемучо! вспомни нас вспомни»
молча кричали они сквозь стекло
жабры их трепетали кипятили глубь
изнанку пола пятнали
персты перепончатые

когда несчастный
творя крестознаменье бросился
набрать святой воды окропить страхованье
трубопровод подающий святыню
долго шипел плевался покуда
из него не вылетел как слизистая пробка
человеческий глаз
о двух зрачках

кто вы странное племя
окаянное неприкаянное
образца тысяча девятьсот шестидесятого года!

святые храма чьи печальные лики
тихо светились в грузном златом плену риз
могли бы ответить
но никто их не спрашивал

охранник видимо в состоянии шока
или делирия без обследования сказать было сложно
пускал слюну повторял только
«жизнь наша чаша бассейна
диаметом сто тридцать метров
влей теплоту Спасе
в холодное время года до тридцати по цельсию»
и прочие безумные глаголы

дорогая моя столица
золотая моя
грошовая свечка! наполеон
глин хрящей глубокодонной высосанной памяти
волглый древний пирог слоёный

атлантида на атлантиде

ЛЕТОПИСЬ ГОДА ОТ КОНЦА СВЕТА ТАКОГО-ТО

— Ох мороз !..ели
Так и трещат. Люто!..
Деда, а деда! Что там —
Окоём багровый
Звёзды небесные застит?
Что там пылает?
Деда, у страшно!

— Спокойся, внучек!
Москва в пламенах там,
Вавилон-блудница,
Сидит на вые
Руси-нежилицы,
Упилася, играет
В петарды негасимы…
Пря там ныне
Нестяжателей со осифляны.

— А может, деда,
Станем на лыжи,
Побежим посмотрим?
Ты же читал мне
В книге церковной:
Осифляне мол семо,
Нестяжатели овамо…
Вот бы глянуть:
Каковы-то вживе?

— Да их уж, внучек,
Вживе-то нету.
Одна только
Пря и осталась…
Блазнь это, морок,
Навь вражья,
Дабы прельстити,
Аще можно, и верных.
Разверзся кладязь бездны,
Господи помилуй…
Морозно, внучек, —
Полезай-ка в землянку,
Правило править…
Я замолитвлю,
Ты поаминишь,
Тайга подтянет, —
Так и перезимуем!..

* * * * *

прилагательное «русский»
дверь котора дверь
ведет в райский сад

ой неси ты меня двуглавый орёл
за моря за леса искать райский сад
молодильные яблоки скатерть самобранную

говорит иванушке двуглавый орёл:
глянь-ко вниз какова-то русь
глянул вниз иванушка — с овчинку русь

говорит иванушке двуглавый орёл:
ослабел я не евши не долечу
накорми-ко меня добрый молодец
отвечает орлу иванушка:
ничего на мне не осталося
в голых костях моих свистит сиверко
всё скормил тебе орёл-батюшка

говорит орёл: режь голову

голова твоя хоть не так сытна
да деваться видно тебе некуда
не соскочишь на лету с такой высоты

закручинился да поздно иванушка
на булатный нож свесил буйну голову
с белым светом прощается:
ой прощайте вы царства вы царства мои
золотое серебряное медное

четвёртому не бывать

* * *

тук тук детушки
тук козлятушки
отопритеся
отворитеся

ваша родина-мать пришла
вам отчима привела

взыдет нов хозяин налегке
с обоюдоострым в руке
сварит вас козлят в горючем моём молоке

а как станет он вас варити —
так я грешная стану вы варити
на оном полу
чёрного иордана
в белом беловодье
на некошеных медвяных лугах
вечной весны

МАРТ МЁРТВ МИРУ

обыденный храм —
проседающий сиреневый сугроб — пуст:
Преждеосвященная отошла

кожаны ворвались в алтарь
но дары потреблены
ледышечка антиминс
дотаивал в бледных отвесных солнца мечах

только в куколь убранный труп обрели!
слёзно смеются от злости:
«контра!..
субботствуешь падло?»
в ребра тыц сапогом
дулом маузера уста отверзли:
не дышит
ровно сквозь тканей чернь светит
иероглифом молчания параман

нервно папироску смоля
в синее небушко:
«э, где там
спец жеребец?!! ну-ка ко мне!»
попа за волосы притащили: «что?!!»
свидетельствует поп
выдавленными очами глядит
раскровавленными в дрязг шевелит губами

выхаркивает кашицу альвеол осколки зубов:
«да
вам его не достать
пульса нет: успел
уйти в глубокую схиму»

«с каким именем постригли?!!
с каким именем говори мразь?!!»

бесполезного, били попа
(лучшее что успел
за долгое свое учительство рещи: промолчал)

трупы вытащили в овраг

воздух остановился
вербы как бабы рты затыкали концами платков
бессмысленно воронограил зенит
три волхва выступили из нарастающей тьмы
принесли дары:
негашеную известь бензин дрова

ВОСЬМОЕ МАРТА

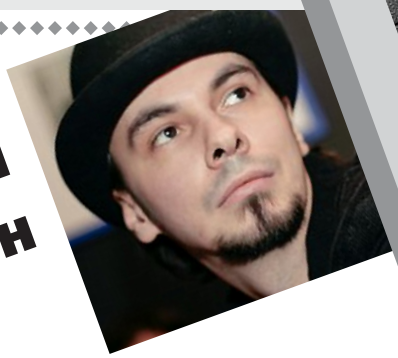
два советских христианина
в пятидесятых пили
на коммунальной кухне

один отвековавший
пятнадцать по пятьдесят восьмой
плакал
бил себя кулаком в доходяжий киль
беззубые терракотовые десны обнажал в плаче:
«каюсь я грешен!
я не вынес —
я увидел окурочек с красной помадой
и рванулся из строя к нему»

другой строгий
папиросиной в совесть его тыкал:
«эх ты брате
среди нас был ты якоже един от древлих
и что ныне
нет чтоб в сигор угонзать

ведь пост обретенье главы
а ты купился на титьку
мировой закулисы
злой плясуньи весны
на вражий праздник эсфири
вавилонского интернационала
кто же!! если не мы поборет
молитвою и постом царство пожравшего ны зверя
время сам видишь
ныне последнее»

светлокипенная же титька расплылась покоилась молчала
терпеливо вековечно смиренно всем соском взирала
в распахнутое небушко
ждала пока эти двое достигнут
возраста мужа совершенна:
возраста младенцев и ссущих
возносящих хвалу



Вадим Кейлин

Сергей Огурцов

ПИЩЕВЫЕ ДОБАВКИ

e1xx
солнце полудня
карамельный краситель
наполнил реку

2
вниз
по кроличьей норе

требуется
около шести секунд
чтобы достигнуть
желудка

e3xx
антиокислитель
для нейтрализации
атепокислот

нарушающих
кислотно-щелочной баланс
corpus meum
и
sangre meum

съешь меня
выпей меня

4
синяя гусеница
курящая кальян
сидя
на шляпке гриба

фотографии кэррола
с маленькими
девочками

ненаписанное
непроговоренное
непроверенное
неверимое

непереваренное

e5xx
pH-регулятор
королевская peshka
на клетке e5
т.е.
только что шагнувшая
через зеркало

главное
не оборачиваться

e6xx
ароматизатор
в поисках собственной
идентичности

ненатурально басит
изображая бога

e7xx, e8
резерв
неопределенность
preprocessing-а
ожидание превращения
в ферзя
бабочку
или соляной столб

кокон разорван
алиса покидает
гефсиманский сад

ДЕТЕКСТИВ

1-я серия
в которой воздух
вдруг оказывается
ворованным

2-я серия
в которой
высказываются предположения
о том
что же хотел сказать
автор
перед смертью

3-я серия
парадоксы-токсины
личинки слов-паразитов
чистый лист желтеет
подхватив гепатит
у газеты
от больничной скуки
начинает вскрывать пороки
забивая медные трубы
и засоряя ст[р-р-р]оки
и разносит заразу
бросая слова на ветер
соблюдайте культуру
и гигиену сплетен
и ненароком
устремляя глаз
в замочную скважину
помни
скважина смотрит в нас

4-я серия
какую программу ни включи
всюду
смерть и насилие
насилие и смерть
сетует
пожилой зритель

какую книжку ни открой
всюду
смерть и насилие

смерть автора
и насилие над языком
сетует
пожилой критик

страшно
страшно далеки они
и далее
по тексту

5-я серия (заключительная)
надпись
на могильной плите:
контекст
это еще
не все

OPHELIA-FRAGMENTE

*
голос разума обратился ко мне
голосом лучшей подруги

видно и впрямь нам пора расстаться:
кто же станет слушать
советы женщины?

*
голос совести обратился ко мне
громом среди ясного не
пей вина гертруда

ответила грубо
зачем мне чужие призраки?

*
внутренний голос обратился ко мне
сказал:
я внутренний голос твой
да не будет у тебя других голосов
перед тембром моим
не слушай их, не верь им

не поверила

*
и так один только голос остался при мне
им я пою песни
с утра и до утра
чтобы никто не заметил
моей внутренней немоты

СЛАВОСЛОВИЕ*

1.
тофсла и вифсла
со славянским акцентом
говорят: весла́-с

2.
не сложить стишок — что твой сломанный пляжный зонтик
застревает в горле. солнечный ветер воет
агрессивное сердце вызревает на горизонте
бьется бьется ты слышишь слышишь оно живое

слово сладко и липнет к нёбу — боится неба
там горит комета, лист отливает красным
вход в пещеру рта замурован линялым пледом
сублимаций, фрустраций, реализ...
тьфусла
язык сломасла

3.
старая лодка уже заросла
диким плющом, и весла
пустили корни в песок — а ты так и не покидаешь кресла,
думая о том, что путеводная звезда оказалась кометой и погасла
где-то вдали, но продолжаешь слышать как мерно стучат колеса
пропущенной литерой пишущей машинки — без злого умысла
да и вообще без всякого смысла

* стихотворение было опубликовано в журнале «Новая реальность» (№8, 2009)

Сергей Огурцов

Вадим Кейлин

1:

эта ночь чуть жива
и беззвучен приземисто восходящий снег:

ты так и закончишься

в тишине
тысячи жизней
невидимых над желтеюще неподвижной тьмой

в слепой тишине
где домики с крыш тайно смотрят певуче
но замирают у края глаз

в тысячеокой слепой тишине
остановилась

эта *последняя* ночь

бесприютное предстояние мира
видящего повсюду
только себя себе одному

2:

эта ночь безответна
этого пения будто и не было:
в полом теле бьется лишь эхо снов
где каждый шаг твой то глаз и зов

так и уходят под землю

лик что ты грезил о встрече, о пробуждении —
в ноющей ноте висков небесной
в памятливом, увы
головокружении

на которое медленно сверху взирая
ты поешь

и не слышишь ни шага назад
ни души

3:

ответ как падение

про́пасть под пальцами — высота
родного голоса среди ночи
требующего *себе* рук

и погружается в воду вода

безысходное как творение
как растаявший воздухом путь —
умея дышать ты уйдешь куда хочешь

и падает в землю земля

«огня не хватало — и в самом начале мы светом себя поджигали»

дотронься — не требуя ада
где ты это ты это ты

*

1:
лес колеблется
        в теплом выдохе нашем слепом

воздух общий вдруг ставший *моим*
снова чужд
снова не удержать

        никого впереди

лишь деревья
  взглядом вместе срастаются в «лес»

я — граница пейзажа

для дыхания позади
а в обратной твоей перспективе —
        золотое сечение памятей
горизонт,
        где тропинку и реку
        не различить

2:

память
симметрия каждого камня
незначащим ничего следам

… .. . .

земля похрустывает под безымянностью
зеркальных я

но камни следы стерегут
для другого

4:

раньше *и* позже,
        не все ли равно —
слишком ясно же, кто говорит:

        твои спящие руки —
        ее руки протянуты к небу

никого

никого не касаясь

*

E&A

1:

ты — воздух двойной

так пропели о невозможном
пробуждения параллели — птицы-вчера,
я — сегодня

проект неизбежного: первого снега,
третьей *сестры,*
отвечающей Да на двоящийся взгляд

таково предсказание
каждое слово которого — глаз
предстоящий как тайна фигуры
дыхания
пред отчаяньем

я этим фон

2:

пеленание воли в безответные *дали:* служа дыханию против легкого
воздух стал горлом

и не с кем дышать

во фрактальном тепле
в эхолалии травм
чуждошепчущих «ты»
там где грезится в имени

образ твой, два лишь, в удушливый сон
совести впевшись по самое «помню»:

…свет мой, дитя!
последнее время…

все чаще

*

вл

златозвучие ржавого колокола
над руинами церкви
под следами в снегу

местоимение

сплошной пустогрудый набат
от тех кто бил в это сердце

к тому кто Есть

торжественная тревога
призванная еще первым лицом,
вниз кружащим из мерзлого неба сегодня

*

Сергей Шоргин

Виталий Суриков

ДИОКЛЕТИАН
(из антиисторического цикла)

Нынче волны в бухте — цвета изумруда,
А вдали, у горизонта, — всё в тумане...
Мой Галерий, я пишу тебе отсюда,
Из Салоны — иллирийской глухомани.

Как покойно здесь, в моей округе сонной!
Вспоминаю я почти без сожаленья,
Как велели мне и боги, и законы
Удалиться от верховного правленья.

Я достиг вершины в жизни и карьере,
Я и Риму дал спокойствие, и миру...
И не стал с богами спорить я, Галерий.
И смирился. И отдал тебе порфиру.

Ты тогда был незаметный заместитель,
Но — расчётлив, и умён, и осторожен.
Нынче ты — великий август и правитель,
Я — в отставке, позабыт и позаброшен.

Лишь в тебе теперь, Галерий, видят бога,
А в моей приёмной сразу стало пусто...
Я пытался помогать тебе немного —
Ты послал меня выращивать капусту.

Это — верное решение, конечно.
И в других делах не вижу я изъяна:
Ты, как я, воюешь с персами успешно,
Христиан, как я, караешь неустанно,

И народу иногда даруешь милость,
И налоги так успешно выжимаешь...
А капуста нынче славно уродилась.
Жаль, что ты в ней ничего не понимаешь.

Еле слышен здесь, в поместье, шум прибрежный,
Море плещется лениво в отдаленье...
Ты, Галерий, — ученик весьма прилежный
(И добавлю — к пребольшому сожаленью).

Волны бьются возле берега о камни,
Злые чайки голосят о чём-то зычно.
Ты прислал из Никомедии вина мне,
И просил, чтоб я его отведал лично, —

Видно, вспомнил о походах наших старых,
Как мы вместе против персов воевали...
В этой амфоре — последний твой подарок.
Что же, выпью.
Так прощай, Галерий! Vale!

ОСТРАКИЗМ, или ЧЁРНЫЙ ЧЕРЕПОК
(перевод из неизвестного древнегреческого поэта)

Житель Афин Архисфен раба наставлял терпеливо:
— Ты, Пандарей, не пускай Главка ко мне на порог.
Он, приходя, норовит в амфору плюнуть, а также
Всех домочадцев бранит, словно разнузданный варвар.
Ладно бы на агоре — там это дело архонтов;
Но не хочу допускать в дом наглеца и невежу.
Также, гляди, стерегись (порки, наверно, не хочешь?)
К нам Лохострата впускать — пусть и с дарами придёт он.
Помнишь, как он навалил целую кучу фекалий
Возле соседских ворот: запах сюда доносился.
Мне он пока не принёс лишней заботы — однако
Ждать я могу от него столь же порочных поступков.
Чёрный возьми черепок — здесь имена начертал я
Нескольких граждан Афин, коих прогнать не замедли.
Пусть возглашают они брань свою где-то подале;
Жаль, что архонты за это редко и поздно карают...
В городе славном у нас граждан немало достойных;
Но попадаются тут варвары и беотийцы.
Мыслят они, что, живя в городе Девы, достойны
Званье афинян носить — даже при скотских повадках.
Так что гляди, Пандарей: стой с черепком на пороге,
Дом мой от них охраняй. Понял? Ступай же скорей.

КНИЖНЫЙ МИР

В дурном ли я расположении духа — иду к «Робинзону Крузо».
Нужен ли мне совет — к «Робинзону Крузо».
Уилки Коллинз. «Лунный камень»

Если нас опутают интриги
Или же навалится обуза —
Мы заглянем в правильные книги,
Как дворецкий в «Робинзона Крузо».

Там найдём о всяком и о разном:
Пороху полно в пороховницах...
Мы давно не боремся с соблазном —
И советы ищем на страницах.

Чтоб найти дорогу к результату,
Показать и знания, и хватку,
Подбираем к случаю цитату,
Попадаем в самую «десятку».

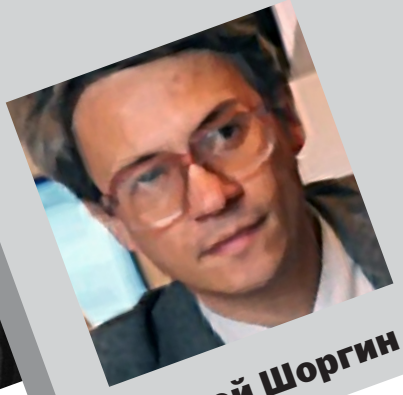
Вовсе ни к чему мостить дорогу
Новыми идеями благими —
Всё на свете было, слава богу,
И уже описано другими.

Мы, наверно, оттого и скисли,
Что твердим, как школьные уроки,
Лишь до нас продуманные мысли,
Лишь до нас написанные строки...

* * *

Как жили дикари в пещере? У них на стенах были звери, для поклонения предмет. А в чём причина поклонений? О, много было откровений и убедительных примет. Никто в то время не кумекал, что просто сборище молекул — всё то, что видим под луной, а разум, совесть и стремленья — всего лишь странные сцепленья одной молекулы с иной... По-человечески понятно — искать того, кому приятны и песнопения, и лесть, искать владельца полномочий — и мнить, что мир ещё жесточе, чем он на самом деле есть.

Виталий Суриков



Сергей Шоргин

***

щекотно
родинка
ползёт по сгибу
руки
уже на широте Магриба
а в сонном поезде уснули пассажиры

за морем ты касаешься инжира
твоя рука берёт цветок банана
а поезд догоняет птиц
так странно
порхают руки подожди не надо
и пальцы пляшут слева от Багдада

мой поезд входит в Спятившую Грету
а где-то ты ласкаешь сигарету
и за окном клубятся клочья дыма
и дым несёт меня к Ерусалиму

***

тысячеглазая кошка
жёлтым играет клубком

всё за стеклом, понарошку
смутно, и всё не о ком

нам остаётся немножко
и достаётся тайком

время, когда за окошком
вертится небо волчком

и желтоглазая кошка
жёлтым играет зрачком

Диалог При Свете Спички

Первый:
Как лев иудейский, на гору огня
восходит гагарин... Тебя и меня
не мучит известный вопрос..

Второй:
Как тускло сияние звёзд!
Бывает, когда я печален, как зверь
и пламенем бледным залит,
во мне открывается тихая дверь,
и входит босая лилит.
Скользя сквозняком — ускользая — она
вещам потускневшим даёт имена:
они непонятны, быстры, как огонь,
юнее, чем ева, древней, чем сморгонь...

Первый:
Я видел всё это, я знаю, поверь —
я чувствую женские дни,
и мы, несмотря на открытую дверь,
всегда остаёмся одни...
Возможно, гагарин даёт нам ответ...
Смотри, он уходит! Гагарина нет,
и нам не хватает огня —
да ты уж не слышишь меня...

Английская Наб.

В меня смотрела Сфинкс, и все мои загадки
разгадывала с лёгкою улыбкой,
а по реке плыли, как листья из тетрадки,
то радужные пятна, что так зыбки,
то белые цветы, которые так сладки,
то, может быть, серебряные рыбки,
а может быть — фольга от шоколадки,
и снова Сфинкс,
другая,
без улыбки.

веретено

время всё веретено,
время переплетено,
и трепещущая нить —
всё что может нас пленить.
игры с девой — время сна,
где-то вплетена весна,
но весны нам не найти.
впрочем, наша цель — в пути

на этот раз я ходил налево,
потому что стороны все равны.
за мной вставали седые девы
в меня входили чужие сны,
в меня смотрели лилит и ева,
горело пламя седой луны

я ходил налево искать весны.
во мне открылись глухие двери,
в меня входили чужие сны,
они роняли седые перья,
вставали девы из тишины,
и я был снова печальным зверем

оттого, что цель — в пути
и весны нам не найти,
хоть она и вплетена,
игры с девой — время сна.
то, что может нас пленить —
как трепещущая нить.
время переплетено,
время всё веретено

***

За порогом кончается душный четверг,
а в комнатах время стоит,
и слова поднимаются медленно вверх
на кончике белой струи.
Тени медлят, а стрелы заката быстры,
мы сбиваемся, движемся вспядь,
всё понятно, но смысл по-прежнему скрыт,
и мучительно хочется спать.

Job Re-Mixed

1. И начал Иов и сказал:
Зная ужас смертной тени (24 – 17)
Человек бежит, как тень (14 – 2)
Ночью внемлет сновиденьям (7 – 14)
И как воду пьёт свой день (34 – 7; 9 – 25)

Вот цветок к земле клонится (14 – 2)
Вот солома на ветру (21 – 17)
Так ответьтьте, скот и птица, (12 – 7)
Навсегда ли я умру? (14 – 14)

2. И продолжал Иов возвышенную речь свою и сказал:
Тот, кто пролил меня как молоко (10 – 10)
А после как творог сгустил (10 – 10)
Плоти коснулся кошмарной рукой (19 – 21)
О, если б меня Он простил (7 – 21)

Червь мне как мать, а сестра моя моль (17 – 14)
И гроб мне отныне отец (17 – 14)
Вместо пшеницы восходит куколь, (31 – 40)
На поле ячменном — волчец (31 – 40)

Стонет ли сторож в своём шалаше? (27 – 18)
Ревёт ли осёл на траве? (6 – 5)
Кто выберет то, что противно душе? (6 – 6, 7)
Что может сказать человек? (9 – 14)

3. И отвечал Иов и сказал:
Однажды я говорил, —
теперь отвечать не буду,
даже дважды,
но более не буду. (39 – 35)

Мнимск

Мне снова мнится город мнимый,
провалы зданий в пустоту.
Обломки слов соединимы
в обрывки улиц, на лету
по эту сторону витрины
застывших. Я застыл по ту.

Но расстояния ничтожны,
протянешь руку, и в ответ
стекло стекает — город ожил,
сквозь сумерки струится свет.
А я смотрю в глаза прохожих
и вижу, что меня там нет.

***

->
еще летит моя стрела
а мертвые уже олени
бессильно пали на колени
в глазах уж трещины стекла
а сердце сожжено дотла
<-
теперь стрела летит ко мне
она как трещина в пенсне
она как мертвая пчела
что по щеке моей ползла
мелькнула как свеча в окне
и вот окно уже в огне
и сердце сожжено дотла

Владимир Лукичев

Наталья Артемьева

* * *

Она говорит

более чем доступная
с ленточкой крови в кудрях

вслед её речи
нагое солнце ложится в мою постель
поднимает веки
уточняет детали

и без того
я оживляюсь
привожу в движение армии

трогаю воздух над коркой сражения

а в груди моей —
дивный голос
плещется неумолимый сквозной

* * *

Пути знамения в мгновенной гриве взгляда
Туда
продлятся корни тишины

уходят вёрсты и не наверстать ветвей

в короткой памяти несутся вестовые

* * *

мир неязыкий
простерся к тебе

осязаемо

в сплошной наготе идущих ветвей
ты стоял одиноко

волны разбились в шепот
там где никто бы не смел и помыслить
певчее

слух очарованно возвращался
ты повторял это искомое ареолами потеплевшего света
совершенной дорогой
  нежно дышавшими переливами почвы

потом

только снег провожал тебя к Дому

Наталья Артемьева

Владимир Лукичев

-//-

Вот мы
   в течение и села
контурные карт жники
   шукачі крови ладони
двадцать восемь : ноль один
      капающие
                с руки
                      яблоки.

-//-

купальщицы вещей

на отраженное крыло больные

как ты

линолеум у берега петляет:

рукотворного рядом грива

и ты

      деревянные пятна чернил

случаешься

-//-

Что-то от травы до пальцев
касайся за тридевять
но так ли отводят вещь.
Имя отмечено в части
нездешним.
из-под вещания,
миром, что стал
памятью сена
на грани тела,
узкой , что останется тёмной,
отводят.

-//-

кожа оркестра

если время литое

одна, две, три петли на ветру:
?:подгорает касание

запахи шага
закрыли дерево-камень за.

шаром покати, жизнь, смерть.

а она, которая *Ни того*
раз, два, раз, два монотонно
то ступню отмечает,
то сетчатку
сквозь небесный прокол.

Марк Кирдань

Иван Бекетов

ИЗ ЦИКЛА «ПОХОДНЫЕ ЛИСТЫ РОДИОНА УДЕЛЬНОГО»

Каргополь

я спал за ельником в широком синем поле
за Карасиным озером где лед
еще висел на лазурных шариках
и медными серпами, столбами, курганами разгорался
древнейший Каргополь
чудовищный и твердый —
пуская струи коричневых, дрожащих волн,
в слепое яблоко смутившегося солнца.

я спал за ельником, в широком синем поле,
и косы звезд впивались в мои губы,
геометрические птичие мельканья —
звенели чертежами в томных елях.
и ели говорили: «кто-то там
уснул за ельником в широком синем поле»
и, каменея, поднимали кудрявые уста,
застывая в смеющейся сырости,
танцуя на мягких холмах.

я просыпался в глубокую ночь —
не видя ничего, только слыша,
слыша плоскости озера, колонны озерного холода,
светы и груди полей.
я слышал, что Каргополь
тоже уснул — скрипел и сопел —
почесывал кладбище, словно макушку —
и мертвецы мотыльками всходили,
всходили солнечными лепестками,
затем опадали.
я слышал движения веточек, поднимавшихся над землей,
дышавших, поющих — как маленькие зверьки;

мне было страшно — земля раскалывалась на круги,
я висел в пустоте, подхватывая незабудки —
те таяли и падали со мной, или взлетали со мной —
струились со мной, щелкали и взрывались,
и птицы шумели там же — черными кляксами, или платочками,
геометрически пропадая в зеркальных воронках,
и над мной и под мной — туманности слепли,
небесное жерло сосало повсюду
и небесные великаны бегали далеко-далеко, не сверху — и не снизу.

я проснулся глубокой ночью.
я отлежал руки.
там были холодные камни, острые раковины, твердый клевер.
я не видел рук.
я поднимал их — но они поднимались сами —
и сами болтались перед глазами —
и я не мог понять — я ли ими болтаю,
или то ветер, или это растенья,
живущие рядом, раскинули лепестки, пестики,
или это красные, костяные пауки,
желающие меня попугать,
или я умер и смотрю в себя, болтающегося, проснувшегося, чужого —
и скоро начну пропадать куда-нибудь в ржавую глушь,
и меня увидят карасинские рыбаки, синие люди во тьме, в серебристой лодке —
стучащие сапогами по воде, часами глядящие в звезды —
они увидят меня и скажут:
«это за ельником в широком синем поле
поднялось что-то, почудилось что-то,
вот оно покатилось неявно над озером,
над галькой, над бессмертными рыбами,
над ребристой осокой,
над отчетливыми мхами, над болотными огоньками,
а там освещая мякоть спящих деревьев, оно поднималось, и выдыхалось,
а потом опять поднималось.
конечно, за ельником, в широком поле,
что-то почудилось, что-то промелькнуло».

Комбинат

Бурая девушка плакала на земле,
Остервенело кому-то скалясь,
Рядом дымил комбинат, рычали, звенели собаки,
Стояли мертвые грузовики.
«Курва! Еще пожалеешь!
У меня связи!» — кричала бурая девушка какой-то другой.

В кулачках — кусочки травы, волосы и песок;
И особенное, прозрачное небо раскинулось вширь;
Золотистые здания торжественно поднимались, все в цветах;
Был полный, проснувшийся день, с гирляндами до небес;
Освещенные улицы были легки и мягки;
Город был в ожидании.
Синие пятна расползлись по щекам.
Дрожала, прижимая руки к груди.
Пришел пустынный автобус в прозрачных ребрах.
Болтала хвостом ворона с характерным, добрым лицом.
В соснах зависли рыжие, розовые лисы,
А в элементарных качелях маялись благие дети.
Густое, долгое солнце сливалось с радостным городом —
Никто не мог различить его солнечных всадников
Среди прочих осенних прохожих,
И город поднимал руки, стряхивал кирпичную чешую,
Изумрудные глаза отражали грядущее небо —
Он слышал пение нового мира, грядущего царства,
Он слышал, и пел вместе с ним.
Такая тишина,
бесконечный метафизический сквозняк!
А девушка, прижавшись к стене комбината,
Все плакала и угрожала.
Курва еще пожалеет, у нее связи!
«Связи…» —
чирикнули воробьи, всполыхнув из шиповника.

Черничник

тоска болота зацветает,
сопят кустистые борты,
в черничнике кабан болтает
боками в поисках воды.

рычит бабай, бабай смеется,
слетает с тучи стрекоза,
березки слизывают солнце.

и мхов горячее дыханье,
железо болиглавых трав,
слепней гнусавое скитанье...
чудовище, тростинку сжав
сидит дремотою качаем
на вздутой горке муравья
бренча сосновыми ключами
и песню злобную скуля.

ИЗ ЦИКЛА «ПЕСЕНКИ ИОАННА КРАЦА»

или движенья пчел и мерных скалолазов, разъятых мотылей,
укроп качается проклятый, становится теплей,
или безумные качели, промокший черный сад, чудовищная высь,
или лакающие звери, колени, купола, листочки, девочки, откуда вы взялись?
Во всем разобранном на части, заборном, наносном,
в пруду, горящем не к несчастью, стоящем на отражении голубом,
или развернутые дали, клюющий ворон, череп кабана, репей растертый,
или шагают мудрецы, решая, кто будет жить, а кто немного мертвый,
кому немного день во сне усатый, сулит удачи, бедствия земные,
и пляшут черти, бегают секунды, чудища иные.

Или мой день, оставшийся на койке, среди колючих вишен, роз и земляник,
я плакал, говорил, тебе постольку, сколько к верному приник,
гляди, распахнуты отчетливые груди птиц ненастоящих,
мы говорим за всех оставшихся смердящих.
сули движенье нам пунктирное над лесом и над головой
над бегающим зверем, колокольчиком, мать-и-мачехой, бабочкой,
над стеклистыми речками, прохожими призраками, дощатым подвалом,
над ключами, древесками, над миром кровавым.

есть существо, глядящее из окон, на судьбы наши все,
есть существо, расставившее точки, сидящее в росе,
есть существо, а наше так-существованье пронизано быльем,
старьем, пылицей, мертвотелом, густолизью, ковылем,
а наше им существованье немеркнущий родник,
есть только миг да да между прошлым и там еще только миг,
есть только миг, но кудесник небесный,
рассмотрит его и выбросит,
и никто нас
оттуда
не выпросит.

Иван Бекетов

Марк Кирдань

ЦВЕТ ПШЕНИЧНЫЙ

А. Х.
Keep away from fire
(Китай ок. 2009 года)
найденная ею надпись на подшивке моей шляпы

1

Она-другая есть гречневое зерно
Я выбирал между гречневым зерном
И пшеничным зерном
По красоте гречневое зерно превосходило
По возможности очищения от
Шелухи моих воспоминаний
Я попросил прощения
Говоря: Я выбираю пшеничное зерно

2

Она есть пшеничное зерно
Выбрав её пшеничное зерно
Я замешал тесто наших отношений
Из которого Можно было
Приготовить хлеб для всех
Но она уходила всё дальше и дальше
Упрекая меня
В молчаливом подкупе
В питательном насыщении
Говоря: Я использовал её пшеничное зерно

3

Однажды Я поднял её на руки и
Мы повалились в подсолнуховые заросли
Волосы её пахли пшеницей
В ту Ночь я познал женщину

Утром Я увидел сотни лежащих на земле солнц
Семянная сердцевина которых напиталась цветом её волос
Её не было рядом но я знал
Что на каждом из этих блюд с жёлтой каймой
Лежат семена орошённые капелькой её пота
В то Утро я познал Бога

4

В каждом новом случае
(как-то я цитировал ей Мишеля Турнье повторяя:
«случай — это Бог путешествующий инкогнито»)
Я испытываю ностальгию
Когда Я будучи ребёнком
Жевал горсть сладких зёрен пшеницы
Превращая их в мягкую жвачку

(Нужно иметь истинное терпение
Чтобы горсть пшеницы превратилась во рту в жвачку
Концентрироваться на постоянном повторении
Словно на ритме дорожной полосы пока она не сольётся
В сплошную линию наслаждения)

В этом было предзнаменование
Поцелуя в мочку уха
Погружения в пшеничный запах
Родинковой щеки
В мякоть нижней губы её

5

Однажды Мы шли под рождественским снегом
Я был в шляпе неся её розовую дорожную сумку
Её голова была покрыта зелёным шарфом
И только на ресницы налипал снег

Тогда Я впервые увидел нас со стороны
На белом фоне снежного замешательства
Я нёс на плече часть того розового рассвета
Когда сквозь зелёные стебли шерстяных колосьев
Я увидел её пшеничное лицо

6

Ей нравилось когда я целовал её в глаза
Смеялась спрашивая зачем я
Её нюхаю

Я вдыхал запах пшеницы
Зная примету — в глаза
целуют тех с кем готовы расстаться навсегда

7

Когда-то Мы долго поднимались
По серпантину уговоров и обещаний
Наслаждаясь видами привычек
Вглядываясь вдаль скрытых совпадений
Пока не ступили на белое плато короткого не
расставания
За которым заканчивался запрет
С которого открывался вид сплошного безумия и обмана
Где среди долины наслаждения
Тянулись бесконечные тропы желаний и растрат
Заканчивающиеся теряющиеся и блекнущие
На пшеничном горизонте под утро

8

Тогда это была Последняя дорога
Вдоль пшеничного поля покрытого снегом
Она спала на моём плече подрагивая пальцами
Вплетенными в мои пальцы
И я боялся пошевелиться силясь не впасть
В воспоминания где стая чёрных птиц
поднимается над этим пшеничным полем
Я шептал молитву представляя что наши сплетённые пальцы
не что иное как колос в котором зародилось
зерно кратковременного пути в отрезвляющий сон

И только я один вглядывался в её сон
Некогда незаконченный в белеющем полусумраке
Тогда мне показалось что чёрная птица склёвывает её
пшеничное лицо
И наши сплетённые тела были похожи на часть колоса
В сердцевине которого не было зерна

И я боялся что рассвет покрывающий нас белой
отрезвляющей сыпью
Нарушит её кратковременный сон

9

Она показала мне Один из ракурсов свободного
падения:
Ночью Слепой музыкант исполнял заученные на слух
подкрадывающиеся звуки челесты в сказке Чайковского
Из Израиля отправлялся самолёт с беженцами
Под шквал пушечного огня
В Брюссель слетались сотни паломников ордена Тэзе

Утром Наполненный впечатлением свободного спуска
С заснеженной горы
Я впитывал пшеничный запах её шелковистой щеки
Музыкальный пот слепого желания
Я не мог предотвратить войну вытоптав на холсте
снежной горы слово мир
Или молитву нашёптанную ангелом хранителем
Спустившимся на пшеничное поле
Все что я мог это знать что ещё один день
Положен на сбор урожая её — мной

10

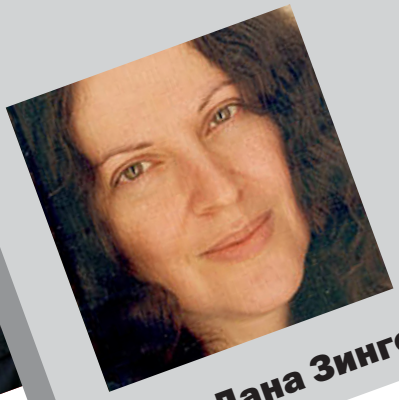
Она нехотя прогоняла меня чтобы мы с ним-другим
не встретились
Говорила что я ничем не могу помочь и в то же время
Не отпускала надеясь что он-другой опоздает
Мне было наплевать
Я думал про выбор
между гречневым зерном и пшеничным зерном

11

Я собирался рассказать ей про гречневое зерно
Она попросила больше не приезжать

Она подала шляпу
Я умолчал китайскую мудрость
Запоминая её последний вкус пшеничной слюды

Евгения Риц



Гали-Дана Зингер

***

Так гудят переростки в вечерней школе,
Пролетарский рай, густое синее время.
И действительно, казалось бы, нам доколе
Вспоминать на одном языке с этими или теми?
Треугольное молоко, крышечки и медали,
Лучше жить в тесноте, коленями к подбородку.
Те, которые били сверху свою чечётку,
Тоже местами были и временами стали.

***

Где бы поймать мелодию вещей:
Ещё не вырубленных парков, уже весенних улиц, но в выбоинах льда?
В рукавицу мокрую, в шарф полуразмотанный вещай,
Набравшись голоса и стыда.
А птичка, птичка, жаворóнок,
Фольклорная золотая пчела
Ударяет в голову изнутри, у неё полтора крыла.
Жизнь подсолнечная, как масло меж двух воронок,
Ещё не вся, оказывается, истекла.
Ну, и к чему это? К чему
Приложить дыхание, то и оказывается из стекла,
Запотевает, становится непрозрачным.
Типа, всякому чму
До нас ещё есть дела.
И поэтому, как ни прячь, нам
Не скрыть ни в сумке, ни в марте, нигде ещё
Смущение и обиду.
Хотя чем ты, собственно, так смущён,
Что упустил из виду?
Здесь убрали свалки, теперь сплошные стоянки и благодать,
А если глазное дно и покрыто каким-то дремучим сором,
Первый же ветер оставит его лежать
В воздухе невесомом.

***

Не стесняйся, здесь все свои
Слова превращаются в не свои,
И слои земли накладываются на слои
Летучего вещества.
Не стесняйся прятать глаза под лоб,
В тесноту одежды кожу и линии в рукава,
Как живёт и знает своих щедрот
Полная голова.
Голубой платок накрывает землю, и она
Спит в тепле,
Как щенок за пазухой, как в земле
Зарытые семена.
Не стесняйся, брат, заходи и ты,
Отоспись, как голову под крыло,
Повезло тому, не кому везло,
А тому, кто выстоял и цветы.

***

Ласочка бежит по белу
Телу, свету, полотну.
Хотя я ничего особенного не делала,
Сяду,
Отдохну,
Досаду,
Как рассаду,
Расставлю по окну.
Я — как город на земной
Земле,
А за мной
Другие выстраиваются города.
Если долго плыть на корабле,
То не будешь никуда,
Если долго жить по небу,
То и не был
Никогда.
Ласочка бежит по свету,
Как по темноте,
Как зверок по собственному следу,
Как какой-то там спаситель по воде,
Как какой-то там спасатель по песку, по
Пляжу,
Как под свитером душа скупо
Теплится сквозь пряжу.

***

Дальней комнаты ближний свет —
Невнимательный, серый, пыльный;
Погляди на свет —
Он как будто и неподдельный,
Он как будто вода в глазах;
Угол зренья дрожит в слезах.
Отпусти усталость на свет, как пух,
Полетит, как пух, но такая вата.
Ничего такого не скажешь вслух,
Но опять окажешься виновата,
Точно крайняя
Плоть, зажатая между двух
Огней и одного набата.

***

Человек качается на руках,
Он ещё не видел весну и лето.
Это твой человек, это его страх,
Его новое лёгкое тело.
Никогда уже не будет столько воды,
Но будет, наверное, много снега.
Линию по ладони веди-веди
До третьего века.
От окна к постели плывёт перевёрнутый свет,
Но нам ли знать, так ли он перевёрнут,
Или это просто осколки комет
Толкутся в зрачке, как зёрна?

***

Зацепиться глазами за слово «полупроводник»,
Соображать, как же такое может,
И где же он бросит, и правда ли вас одних
Или тебя одну;
И прожит
Сам собою будет ли до конца
Или тоже только до половины.
В это время день, как солнце, пойдёт ко дну,
Тень, как солнце, спадёт с лица
И наполнит собой долины.

***

Из человека дом растёт корнями
И ветками, и всем сухим дощатым естеством,
А мы не люди, и между домами
Скорее проступаем, чем живём.
Стекают блики по автомобилям.
А мы? Мы — тени, мы растём из ног,
И если мы кого-нибудь любили,
То медленно и верно, как песок
На зимних улицах, неместный, неуместный,
А ноги всё равно танцуют и скользят,
Как вестовой течёт уже не с вестью,
А без вести куда-нибудь назад.

***

Плоть будет белеть,
Голос будет кричать
Или молчать.
Человек будет сам себе человек —
Ни дитя и ни мать.
День закончится в половине второго ночи,
В половине третьего
Или в четвёртом часу утра.
Ты так устала, что ничего не хочешь,
Сама себе человек и сестра,
Сама себе поломойка, нянька,
Впрочем, и то, и то — не вполне.
Над городом бьёт пионерская зорька
Барабанными палками по спине.
Поспеши скользнуть между плотью и одеялом,
Там, в зазоре, как в заборе дыра,
Жизнь твоя сама себя потеряла,
Никого красивее не нашла.

***

И доселе сияют лампы на проводах,
Но никто не выдохнет правду так,
Как само дыхание сквозь овал кольца,
Собственно, до конца;
Как само дыхание на трамвайных или каких других
Стёклах оседает холодом и теплом.

Помнишь, как мы не хотели видеть твоих и моих друзей,
Голос прятали под воротник,
В подворотнях били друг другу о грудь челом?
Мы двенадцать лет, подумать только, двенадцать лет,
В магазинах бьются тележки борта в борта,
Это наш с тобой бесконечный трип,
Наше плаванье и вода.
И когда мы выходим на улицу в кои-то
Веки, а уже темно, и в домах зажигается верхний свет,
Я смотрю, как медленно тает твоё пальто —
Третье за скоро будет тринадцать лет.

***

Человек просыпается и понимает, что ничего,
Ничего он не нажил, не прожил,
И какое-то существо
Скребёт и царапается под кожей.
Я этим занимаюсь уже столько-то лет,
И ничего впереди,
Ничего не сдвинулось с мёртвой точки,
А то, что растёт и давит в груди,
Верно, ещё цветочки.

***

Внутренний слышать стук,
То за музыку его, то за азбуку принимая,
И ничего более не хотеть.
Так дугой изогнутая прямая
Всё равно скорее линия, нежели твердь.
И нога, опущенная с кровати,
Наугад находит не тапочку, не каблук,
И горло, обученное дышать и
Дышать, замирает совсем не вдруг.
Замерцает тело совсем не белым
И не самым радужным из цветов.
Погляди, как всё, что ты до этого думал, говорил, но не делал,
Распускает себя на манер цветов,
И плывут по комнате, незнакомые обонянью,
Эти тяжёлые, зимние, но только не снежные, лепестки
По всему бесправию, по незнанью
По недо-
Умению скомканной левой руки.

***

И пытаясь найти мёртвое, но живое
Разбираешь, ищешь, но на деле хочешь любви и славы.
Это всё равно, что для вида спрашивать: «Что вы?»,
А на самом деле внутрь себя выдыхать: «Куда вы?».
Надеваешь вещи, неназванные покуда:
Новый год и ёще какие-то магазины;
Это тоже приметы возраста, как простуда
В пять и в семь, а потом — морщины.
Я хочу быть маленькой, незаметной,
Незаметной, больной, любимой,
Но пока получается безответной,
Как любовь подростка,
Как его кулак, тискающий в кармане,
Как его спина, а на ней извёстка,
Как мы сами.

Гали-Дана Зингер

Евгения Риц

ПОГОДНЫХ УСЛОВИЙ ПЕСЕНКИ И НЕ ТОЛЬКО

Песенка сухого морозца

Там, за дождём,
есть жизнь иная,
которой ждём
и ждём, стеная.

Там, за идём!
идёт вожатый,
а за вождём —
лишь воздух жатый

свои полотнища полощет,
дорогой стелется тугою.
Там всё не плоше и не проще,
там всё другое.

Из той страны
нам слово дали
от рам тройных
и слова «дали».

Из-за стены,
из-за гардины
дождя странны
или едины

слова посулов и обетов —
совсем неважно,
когда наобещал себе ты
недолгий дом и путь отважный,

но за плечом
есть обещанья,
где ни при чём
ни долг, ни тщанье.

Там за дождём —
Нам дождь обещан
И он как дом
Оконцем блещет.

17-18.I.2008

Песенка протекающей крыши

ворона
сидит на антенне.
в короне
из ливня и тени,

на спице
клубком из терна —
над черепицей —
нечерным.

распустят
ручьем колючим,
из устья
выловят ключик,

которым
без проволочек
накормят
пробел и прочерк,

которым
клюву откроют
повторы
мушиного роя,

занудны
его повторенья
простудно-
машинного тренья:

«Карманник
с картографом в карты
в романе
играл на кокарды.

Кутёж их:
картофель в картузе.
Картёжника
карла мутузит».

Невзрачней,
чем череп барона —
ни ворон, ни грач, ни
ворона

не смогут
припомнить, побыв в ней,
не смога
корону, но ливня

и тени,
густой, непробудной,
хотений
и жаждущих будней.

Неярко
сияет корона.
Не каркай
на тени, ворона.

Накаркай, ворона,
нам дождик
без крова, без кроны,
без тождеств

меж кровью
и почвою влажной,
но вровень —
как важно с неважно.

Хоронится,
глядя наивней,
в короне
из тени и ливня.

24-26.I.2008

гамма

город И-м
имя ему быть желаемым
совершенное в деяньях и причастиях
ни глаз, ни дождь, ни глаз, три зеленых зверя,
но стихотварями, о шести ногах, и конский хвост
дождик редкий, спустившийся с небольшим
небольшое с дождиком спускается

невеликое до да спотыкается
режет правду да ножом большим
мимо зова пух по склонам при-хвост
тень
фары в лоб светохворого вызверя
соль на ранних дорог деепричастиях
лясы точит жилы тянет жалеемым
силы подтачивает движением одним
до

1.III.2004, 14.II.2005

***

Всё кончено, потому что не началось.
Ничего не осталось, так как всё ещё только будет.
За нами — другие люди,
Другие любовь и злость.

Они свернут себе челюсть
На этом отравном блюде.
Они вернут, ваша честь,
Всё, что взяли, и всё, что взялось

Само. В постраничный шелест
На призрачногорбом верблюде
Игольным ушком без пяти минут шерсть —
Шасть! — и дальше — туда, где ну́дят

Павлинами муэдзины — о блуде, о блуде, о блуде —
где будят звоном челест
Зудящие полдни и муди
И смотрит лудильщик, прицелясь,

В худое медное дно небес.
Здесь Пудель — имя каждой приблуде
И ангелу имя — Мнескушнобес,

Нам скучно без
И нам скучно с
Сосущее чувство в скудельном сосуде
Уйдёт со скуделью в последний ликбез
Туда, где его осудят.

? —30 июня 2006

***

лопасти вентилятора загребают просо.
лопается лоб от крутого ветра.
сползти бы со стула да платье прилипло.
только свет, просеянный сквозь ставни
обещает ответ. не дает ответа.

сорока-воровка кашу варила
жиденка-воробьенка корила:
просо реденько, так и каша жиденька.

может ли всемогущий быть беспомощным?
не вопрос.
может ли не быть?
попасть впросак?
попасть на деньги?
попасть в пасть?
пасть в пропасть?
просто пропасть?

каша в голове всё гуще

может ли всеобъемлющий (не) быть лишним?
клешни вентилятора загребают с шумом
смуту сорока кубических метров.
рокот тишины поглощает смету
всех предметов в комнате и мыслях.

25, 28.VI.2008

***

но тоска и как бы и лягушка. халцедон. и если непременно
все бессмертно, что это за ужас?
земноводный образ одноразов.
минеральный — хрупкий и незрячий.
грозди непрозревшие икринок,
облепив рогоз широколистный,
светятся не хуже хризопразов.
ничего не спрячешь под грудиной,
но тоска забьётся и под sternum.
и забьётся бледный головастик,
илистую воду проницая
не с того конца и
в тишине победной

-18.X.2008

Райския прогулки болящей

води пером
ногами шаркай
как будто жарко

не жди паром
не стой под паром
не жди подарков

а как шаром
покатишь с горки
пустой, как гром,
свой вздох негорький

и, смерть поправ,
умрёшь недаром:
настойка трав
варенья варка

25.X.2008

ни троп, ни троп
не ищешь в парке,
ни Парок нити.

торопишь их в тревоге,
в запарке просишь:
не тяните!

и тянешь, еле тянешь ноги,
на холм взбираясь.
взберёшься, вспомнишь об отваге,
и втянешь воздуха сироп,

как новостройки, сиры, наги,
раствор вбирает купороса.
роятся мошки над укропом,
над купырём и на бумаге.

26.X.2008

он прав, нет прав
у той болезни
высокой. прорв
закон железней.

пускай её рисунок слёзный
забудется
ещё при жизни.

в зобу — дыханье, за зубами —
три языка
неверных слизня,

четыре кляпа для каверны
и деться некуда. полезней
не называть ту скверну
«скверной».

30.X.2008

восход, наверно, серной
вставал, газелью, ланью.
не встать такою ранью.
закат какой-то серный.

газетный, жёлто-серый.
наверно, будет ветер.
проверена примета.

конечно, будет вечер
сребряно-чёрной зернью
черно-кристальной гранью.
и кончено об этом.

тем, кто встаёт так поздно,
не подаёт господь ни длани,
ни советов.

30-31.X.2008

клянись брадою бафомета
иль не клянись,
посмотришь вниз,
посмотришь ввысь:

в опале здесь
повисла
пыльная, немая
и палевая взвесь.

и ты опалового света
седою захлебнувшись гущей,
обряду подчиняя мысль,

не молвишь, языки ломая:
bread наш насущный
даждь нам днесь.

31.X.-1.XI.2008

питай надеждою на дождь
небо плоское как пита,
небо круглое как ложь,
непреложное как жито,

в серой крупке
птичьих стай.
не считай закаты, чтица
мелких поднебесных тайн.

неизжита эта хворость.
не пытай её на хрупкость,
поджигая лупой хворост:

лопнет бледная скорлупка
та, что выбрана навырост,
но не вылупится птица.

1.XI.2008

ПАМЯТИ (II)

Памяти багряника

Листья опадающие, круглые, тупые, цельнокрайные, при основании глубоко сердцевидные.

прель сора
жатый шёлк и удивляться: деревьев нету первого куплета
нет первыя строфы
нет дерева иудова
его нет!

не лето же, апрель

пунктиром молока проносится
и смолк
небесный монорельс

а всё в асфальт впечатано графы расхода
и нет его!

и то, что под ногами
уже не древо Иудеи
не *Arbre de Judé́e*
не *Judas tree*
не слов удел
— сотри —
недеяния след
не доля свалок
а дурная слава
дурная кровь
и диво дивное
людей

то по-белу лилов
то — по-лилову ал
тот чёрный нал
той памяти улов

бессмертно все, что сам по пустякам
ты вспоминал я забывала

30.VI.2008, 2.VII.2008, 17.VII.2008

Памяти шелковицы (II)

тень на стену приходит и ложится
с больной извёсткой, не на брёвна детства, не на обои недетской.
бетонная пристройка, не изба ведь и не коммуналка.
надбровною от любопытства приподнялось окно за ставней.
гудёт компьютер однотонно.
но ночь на ровном этом звуке
не избавить
от себя от ночи.
прикинуться сестрой, которой нет
и не было и, может, и не будет?
но-но! исход один забаве.
извод один — да как не извести! —
испод один — забывчивость.
не память.
мне кажется, что вовсе откровенна.
хоть и не исповедь.
а всё же кров и дом.
и Word в работе.
и тучи комаров.
и двор, который обернулся садом,
как соль, что обернулась на содом,
представившись женою и стыдом.
дверной проем, что притворился дверью,
и тьма радиограмм,
себя представившая стадом,
не стаей — так! — мышей летучих.
приём — приём — как слышно — я — ушан.
вас слышу — я — ушанка.
но исподволь слетелись
петéльки с петлями на пуговицы слов
и лепет затянулся

24.VI.2008

Памяти другого шиповника

Шиповник, правда, больше не цветёт.

так оно всё безлично
та ли другая
ли
чинно
всех не по росту разложат
под облаками суглинка
руконожка моя собака
что с тобой было допрежде
я никогда не узнаю

егда поезд приидет
о багаже не спросят
время пути отменят
и подрасти не успеешь

срезать собачью розу
истолочь растереть и плюнуть
через плечо три раза
как только уколот пальчик.
бестолочь, неужто не чуешь
ту, что палачит и плачет
в той, что воскреснуть не чает

что с тобой было после
я не смогу не помнить
другая моя собака
первая моя собака

2 мая 2008

Памяти шиповника

пять лепестков на пальцах пересчитать не сумела
смела муслиновый мусор
с колен и — за пяльцы несмело
но за мулине сомлела
спать захотелось так не вовремя так внезапно
она ещё мусолила какие-то обрывки мыслей
перебирала как на шее бусы
«пить», «помнишь», «вопишь», «вопьётся»

а над нею уже нависли
заросли рос и зорь запах
сто лет залпом

24 июля 2008

Памяти всякого жасмина

нарушенная
но кроме нее ничего не слышу
в стадии борьбы с раскуроченным криком «ура!»

правила здесь, ясмины и логика бессильны
то там, то бел, то бел,
то приступать лучше с третьей попытки

случилось то, чего хотела
не тогда, но хотя бы
не то, но тоже

ожил тот — белый — свет
воскового псевдо-апельсина
мнимого больного флер д'оранжа

отблеск кипенной тяжбы
древесного тела с ибн синой
без минеральной подпитки

стела мясным мухам
прошедшим пытки
и другим, павлиньим и синим

грань же между сбывшимся и небывшим
в определителе растений:
голова садовая: филадельфус

в парандже тени
эльф отцветшего куста
снятого молока головы

случилось то, чего хотела
стало тихо

-13.X.2008

Мартин Цамай

Предложите мне что-нибудь

Предложите мне что-нибудь, что доставило бы удовольствие,
Как материнский поцелуй в лоб;
Позабавьте меня,
Как забавляется зеленый лист на ветру;
Посмотрите на меня, как смотрит луна сквозь ветви,
И я предложу вам абсолютно все:
Я поцелую бледные губы смерти
И ее впалые глаза.
Я заплачу.
Подойдите ближе, люди,
И я выйду из глубин ненависти,
Как весной растение из зерна.

Змея и женщина

Вчера вечером она оставила свое тело обнаженным
В постели,
А утром нашла его внутри картины,
Висящей на стене длиной в десять шагов.
Увидела тело и исчезла.

Ее одежда сохнет на берегу
Рядом со змеиной шкурой.
Ящерица говорит,
что она вернется еще до обеда.

Так и не дождавшись, обманутая змея
Выползает из-под камня.
Ненавидя одиночество, надевает свою старую шкуру
И отправляется в постель.

Переводы с албанского Андрея Сен-Сенькова

Исмаэль Кадаре

Ты плакала

Ты плакала, тихо сказав
«я шлюха».
Не хотел верить этим слезам,
Потому что по-настоящему любил.
Однажды утром,
Проснувшись без тебя,
Я проснулся в уже погибшем мире,
Понимая, что обрел
И что потерял.
Тоска сверкала как изумруд
В темных сумерках счастья.
Что выбрать из двух,
Когда одно прекрасней другого?
Головокружительный выбор
Между блеском и тьмой,
Увеличивающий желание жить
И умереть.
Сотню раз.

Перевод с албанского Андрея Сен-Сенькова

Визар Житии

Блокада

Повсюду
торчат штыки.
Серые, как шерсть старого чудовища.

Пейзаж настолько мертв,
что думаешь – а может когда-нибудь наступить
смерть Смерти?

1944
1944
1944
1979 1979 1979 пусто 1979 1979 1979
1979 1979 1979 пусто 1979 1979 1979
1987
1987
1987
1987
1987
1987
1987
1990
1993

…трагическое время…ржавые даты, как гвозди в кресте жизни…уже пора снимать то, что на кресте осталось…иначе жизнь окончательно превратится в человека с дрожащими руками, растирающими по лицу кровавые слезы своего прошлого

Скелет

Теперь я скелет.
Все мои мышцы разучились мечтать.
И если даже я захочу двигаться дальше по направлению к жизни
Все равно я останусь скелетом.

Парадокс времени

Вы начали первыми,
Вы сражались за свободу, боролись и жертвовали собой.
И вы создали для нас это время,
Не позволяющее нам
Даже осмелиться пожертвовать собой ради этой свободы.

Король небытия

Быть голым королем из сказки,
Смотреться в зеркало, которое не отражает,
Слышать стук в дверь разрушенного дома,
Смотреть, как входит в свадебной фате мертвая жена,
Согреваться у потухшего огня,
Говорить без слов,
Играть в снежки, сделанные не из снега,
Выходить на улицу с кем-то,
Кто, скорее всего, это ты сам,
Жить только во вчерашнем дне,
Быть опрокинутым и разбитым как статуя,
Видеть свою тень,
Привязанную к ноге цепью.
И не забывать, никогда не забывать,
Что тень это другой, неродившийся, ты,
Черный силуэт твоего будущего, твоего детского крика.
И тебе, королю небытия,
Предстоит, оглохнув, его услышать.

Переводы с албанского Андрея Сен-Сенькова

Рита Петро

Бред

Первым меня изнасиловал отец.
Вторым был родной брат.
Моя мать выдала меня замуж
за своего любовника

В моем кармане
нож.
Беспомощно маленький
и беспомощно острый.

Переводы с албанского Андрея Сен-Сенькова

Брикена Смайли

***

Свеча гаснет,
В медленной агонии
Глотая обжигающие гортань слезы.
Она навсегда закрывает зрачок своего света
И задыхается.
Рядом с ней облизывается темнота,
Но тысяча световых отпечатков
Успевает покрыть стены желаний,
Которые вслух не могут быть произнесены.

Переводы с албанского Андрея Сен-Сенькова

Парид Теферичи

Алеф

В начале была точка. И точка была
Началом.
И начало было точкой.
Но одной точки было недостаточно
чтобы почувствовать начало.
И точка рассыпалась
на многоточие.
Так родилось расстояние.
Расстояние между началами.
Расстояние стало истиной.
Когда одна из точек поняла истину расстояния,
она поделилась своей печалью с другими точками.
Так родилось слово.
И слово стало Богом.
А Бог стал словом.
Точка.

Переводы с албанского Андрея Сен-Сенькова

Ромео Чоллаки

Молитва

Бог мой, я согрешил вновь.
Эта молитва и есть мой грех.
Прости меня, Отче, не славы я искал, не искупления.
Я вообще не знаю, что искал.
Какую вечность, когда вокруг всё вечно?
И что мог искать человек,
У которого только карандаш и бумага?
Бог мой, я никогда не мечтал соразмериться с Тобой,
Не того я хотел,
Когда создавал то, что люблю.
Я хочу быть самим собой,
Маленьким богом,
Чтобы написать карандашом, например, деревце
По своему образу и подобию.

Переводы с албанского Андрея Сен-Сенькова

Таня Бакич

***

Белизной своего тела
Ты очерчиваешь мою тень

Падает косточка слезы

В ней
Позади нее
Голое тело пловца

Шелк этой ночи отвердевает
Сон
Вода
И я

***

Место
Где Рай и пустыня
Соприкасаются —
Подкравливает

***

Страх продолжается в звуках
Наши внуки едят своих детей
Страх не станет тишиной
Пока не отомстит

***

Снова что-то падает. Это листья.
Обнаженная под звездами
Я твоя кровь
Твое семя, твой день, твое небо

Но не совсем
Я любила бы
Только если была бы твоими слезами

Боль и вода

Пальцы зимы этой боли
Снова проникают в меня
Глаз внутри глаза что-то передает уху в ухе
Так вода пьет меня пока я пью ее

***

Мне снится что я сплю
Видя во сне
Как он спит
Видя во сне
Как я вижу всё

Семена

В небе где темнеет
Будущее
Уже слышны
Детские голоса

Значит на земле
Там там и там
Чего-то не будет

Переводы с черногорского Андрея Сен-Сенькова при участии Юлии Шералиевой

Мария Мартысевич

ТЁТЯ ВАЛЯ

*

Сегодня праздник святого...
ты никак не вспомнишь, какого.

Может Мартина?
Значит, нужно запечь гуся..

Может Губерта?
Значит нельзя застрелить лося,
Или другого зверя, не в рифму, но чтобы с рогами.

Может, Иеронима?
Значит Библию переложи
на видное место и гостям покажи.

Может, Сильвестра?
Столик журнальный вышвырни из окна
не путался чтобы под длинными твоими ногами

**

Ах, мало ли было праздничных дней
В юной жизни твоей?

Помнишь, был Николай,
лил в кастрюлю вино через край,
морщил лоб, говорил вариться,
и ошуюю черт цедру крошил,
а одесную — ангел спешил
добавить корицу?

А в декабре Лю́ция
звала в посольство Швеции
на печенье и чашку чая…

А Себастьян в свой день
в тир вбегал, вставал под мишень,
чего-то от нас ожидая…

Или как на Купала святые вкупе
купались в речке ночью возле фазенды Яна.
Был июнь. И была река. И была поляна.

Эльм разводил огонь.
Екатерина приносила свой меч,
колесо, на котором ее пытали.

Шест с колесом возвышается посреди огня.
Однако, все. На повестке дня —
февраль. Поздравь тетю Валю.

***

Как это родилась летом?
Зачем же ее так назвали?
Купи открытку с букетом,
ПОЗДРАВЬ ТЕТЮ ВАЛЮ!

Выпили с шефом. Потом — домой,
с приятелем попировали.
Довольно! Выполни долг прямой —
Поздравь тетю Валю!

Подари ей сердце, красное махровое сердце!
Расскажи ей о римских каникулах, о смерти в Венеции.
Ах, как там прекрасно, у Марка на карнавале!
Но ты — в Беларуси.
ПОТОМУ —
поздравь тетю Валю!

Поздравь тетю Валю, экая плохая племянница,
Поздравь тетю Валю, писательница, с тебя — станется,

Завтра — Сретенье. У Симеона сосет под ложечкой,
таблетки глотает, икая.
Поздравь тетю Валю, неблагодарная, черствая,
дрянь такая!

SWEET HOME

Вошел? Ну, давай, пробирайся тишком, гость неразутый.
Вот под краном присыпано порошком: кто-то возился с мазутом.

Вот ведро красное, в нем тряпка сухая,
на подоконнике астра стоит, высыхая,

Вот фарфор в буфете, ванна поцарапана сбоку,
Вот радиодатчик — машина припаркована неподалеку,

Вот меховая игрушка, медведь неизвестной породы,
Доллары — в черном носке: выдвинь ящик комода,

Вот зарубежный паспорт, в нем стоит мультивиза,
Вот монитор, накрытый салфеткой, как телевизор,

Вот телевизор в кухне, вот телевизор в зале,
Проходи, мы еще не все тебе показали,

Вот бронзовая люстра с остатками позолоты.
Вот кроссовки и туфли, башмаки, камелоты.

Вот ковер на стене, второй лежит на полу,
Вот диван, на котором мы проваливаемся во мглу,

Вот часы-олень, на них — двенадцатый час,
А вот непроглядная тьма, она поглотила нас.

Во тьме вражду и отчаянье Бога ради, найди:
Вот же они, рядышком... Их и кради.

МОБИЛИЗАЦИЯ

Вот один мой дядя — без тетки не может жить.
Чуть она за дверь — срывается и бежит,
потом падает, усыкается, озирается тупо.
Объясняет тетка — это Альцгеймер в его голове,
разрушает извилины — по одной, а то — и по две,
обещает, что даст ему пострелять по Москве,
и достичь на эсминце твоих берегов, Гваделупа.

Это первый дядя, а вот и второй — герой!
Долго жил в глуши. В голове — раздрай и расстрой.

Этот — из дому, в поезд, и вот он — в Вильне.
Кузины и тетка не знают, что он уже там
пляшет на Гедимина, показывает ментам
«фак ю», но Блейлер вот-вот закричит: «По местам!»,
и приказ издаст, и пришлет ему на мобильный.

Вот и ты, ты хорош и крут чрезвычайно ты,
времени взятку даешь и жжошш за собой мосты,
только, будь ты знаток, футболист, реконструктор, геймер,
два на метр и два в глубину — это твой масштаб.
Первый тремор — ну вот, и тебя вызывают в штаб
генералы Базедов, Паркинсон и маршал Альцгеймер.

***

поэту Андрею Адамовичу

Как утверждают глянцевые журналы, друг,
маникюр должны делать кассирши, также — играющие на лютне
и все, кто зарабатывает движениями рук,
ибо пальцы демонстрируют ежеминутно:

— хирург, когда сердце больное кладет на ладонь,
— сантехник, когда сантехнике трогает трубы,
— бармен, когда наливает нам «Оболонь»…

Тебе смотрят в рот.
Не кусай на морозе губы.

Переводы с белорусского Бориса Херсонского

Виктор Жибуль

Про Карлсонов
(и не про одного, а про целую стаю)

Хоть зубы сточены кариесом —
летел, облака кусая,
косяк перелётных Карлсонов —
а может, Икаров стая?

Их тайна в крыльях? в пропеллере? —
Глядели вверх обалдело мы.
Они, пролетая, скрипели ре-
ссорами заржавелыми.

На юг, как отряды целинные,
летели по трассе птичьей,
похожи на ангелов — чинные,
исполненные величья.

Автобусами «Икарусами»
забиты все магистрали.

А в небе — Икары и Карлсоны
летят в безграничные дали.

Парашютист

Попал на парашу парашютист
и плачет: «Откуда такая беда?
Я же не коммунист,
я же вам не фашист,
за что же меня посадили сюда?»

— Твой арест — справедливая мера, —
прогнусавил мордоворот. —
Государство — владелец всей атмосферы,
а ты воздух присвоить хотел, урод!

Переводы с белорусского Сергея Шоргина

Сергей Прилуцкий

ИЗ КНИГИ «ДЕВЯНОСТЫЕ FOREVER»

lucky strike

чего тебе всегда хотелось —
чтобы тебя никогда не ставили раком
чтобы жизнь оставалась
непредсказуемой как циклон
и чистой как легкие младенца
но тебя имеют тебя постоянно имеют
работодатели чиновники — без передышки
друзья и любимые — время от времени
и не важно что в итоге получается
отсутствие денег и связей в первом случае
или голимый приход от голимого амфетамина во втором
ведь все равно ты тот кого вычеркнули
из списка приглашенных
кого положили на операционный стол
и оставили без наркоза

вся система напоминает службу в армии
где твоя жизнь — это халявный паек
который все пытаются спиздить

поскольку это известная практика выживания
поскольку ты вынужден что-нибудь искать
например любовь да любовь
а любовь как известно словно собака —
однажды убегает попадает под машину
или впадает в бешенство и ее убивают
просто уводят в лес и пускают пулю в сердце

у тебя должно что-нибудь быть
например работа да безусловно работа
ты ломаешь ноги портишь зрение и слух
портишь отношения с душой меняя ее на спецовку
и регулярные пенсионные взносы
а в это время президент босс

профсоюзные суки и твой сосед попутно
трахают тебя трахают
а если не тебя так твою девушку точно

будущее это выдумка
госучреждений и корпораций
не думай о будущем —
это бесплатная добавка к прокисшей жратве
тебя просто держат за лоха а когда нужно и за яйца
так что иди на баррикады
будь всегда с теми кто не парится о морали
кто ничего не программирует наперед
ведь любая предсказуемость — это проигрыш
будь с теми кого в бордель ведет одиночество а не похоть
а в могилу — несчастный случай
который совсем и не случай а следствие того
что тебя ставят раком
постоянно ставят раком и
трахают
трахают
трахают

зачем нужен мед терпения
когда есть жгучая мята злости?
к чему святые с их стигматами
когда бог что живет с тобой в одном общежитии
готовит неверным всеобщую забастовку?

In the death car we're alive

середина девяностых.
за кассой стоит обычный заочник
факультета физкультуры.
но из уроков жизни и дешевой литературы
всем хорошо известно
что в оазис бензина и нефти просто так не попадают;
что за поясом его полная обойма;
что за его душой давно идет охота;
что за спиной стоит некто и постоянно напоминает —
«чувак, жизнь, она похожа на бензобак,
без нашего топлива ты не стоишь ни цента».
а он молчит.
как профессиональный гимнаст
он пробует найти равновесие
между сегодня и завтра.
между миром чужих и живых денег
и своих, но мертвых, корешей.

из портативного радио словно привидение
выползает lou reed да это он
гениальный старина lou reed
студент открывает фляжку виски
и делает большой глоток

потом, как в гангстерском кино,
подъезжает авто
на ходу расстреливая витрину,
школьника, молодую женщину
и нескольких дальнобойщиков,
что зашли за бутербродами и молоком.

«суки» — рычит студент,
выползая из-под прилавка.
«сука» — рычат гангстеры в своем шестисотом
и исчезают за поворотом.

волшебное радио переходит на iggy pop'а
его слышат собаки, что ебутся на помойках
слышат копы
его слышат даже мертвые в торговом зале
слышит харон что приехал за ними
на своем потустороннем автомобиле
in the death car we're alive — повторяют они
не совсем понимая
что это вообще значит

и вдруг в дальнем конце стоянки он замечает пару.
она поправляет чулки, будто у нее только что был
секс, а секс у нее был,
секс у нее был точно —
в ближайшем пролеске, если съехать с трассы.
об этом мечтаешь в 14 или 16 —
чтобы было тревожно и грустно,
обязательно должно быть грустно.
как это обычно бывает в жизни.
как обычно бывает в дешевой порнухе.

им хватает двух выстрелов двух коротких мгновений
выживает сильнейший говорил дарвин
выживает сильнейший повторял киплинг
студент вырубает радио закуривает сигарету
и едет туда где
стоит прохладное утро осени
и солнце как газовый выхлоп
растворяется в воздухе

Девяностые forever

…хорошие времена плохие времена — они оставляли шанс
Сергей Жадан

Счастливо добраться — говоришь им — я остаюсь
и мотаешь назад кассету уличной юности
где бесконечный гоп-стоп в районах горьких на вкус
прямоугольники лавок сны малолетних шлюх
в республике девяностых мы потеряли слух

Сегодня привычное дело — бунты подростков
афганская шмаль ненависть побеги из дома
остались тревоги и фобии яростные и хлесткие
ужас подкожный разборки обрывки фраз
старая факин мораль что поимела нас

Школа нам не дала ничего сплошные уловки
форма паек навыки вычитания
синтез наглядной ботаники и физподготовки
прело за окнами солнце бесилась ртуть
в девственных венах от пионерского «Будь…»

Пустые сердца как районный универсам
дети промзон и больших пустых стадионов
все как один мечтают судя по их глазам
стать футболистом банкиром толкователем снов
в словарях наших душ так мало приличных слов

От любви остаются две пустые обертки
затяжная борьба где-то совсем внутри
смакуя порнооткрытки у себя на галерке
переходил с девки на девки из класса в класс
твой протестантский Бог радостно слушал джаз

Смотри, твои одногодки вскакивают в вагон
и машут руками — давай не тушуйся пацан
но тебе-то в другую сторону не покидай перрон
на вокзальной скамейке голуби спят в нагляк
все что ты делаешь делаешь абы как

Жизненный план любой часто грешит софизмом
мол черепахи скорей достигают вершин
мол у ахиллов одни понты и харизма
а в пятках душа подпишите со мной контракт:
садик школа работа внезапный инфаркт

Разве об этом люди пишут литературу
только законы джунглей оказались сильней
за стеной бухает твой пролетарский гуру
прогноз не меняется: ливни на смену жаре
в позе лотоса тупо сидишь во дворе

опадает листва то ли с сакуры то ли с вишни
получив грин-карту подруги летят на юг
вот и новый теракт готовит аллах-всевышний
позвони напоследок домой не такой уж ты и гондон
все нормально мама нормально шоу маст го он

Супермаркет одиночества

Ирене Карпе

Сестра, мы с тобой росли под знаменами нежности.
Пили все что могли, даже пиво не первой свежести.

Мы жили в окопах ненависти, в джунглях страсти.
Мы прошлое разрушали, перекраивая отчасти.

Мы держали грусть в клетке со злобой вместе.
Мы несли городам безликим плохие вести

о свободе и прочем бесценном вздоре.
Мы не знали меры, ведь в сердце шумело море

нерастраченной нежности. Сестра, мы стали
чем и хотели стать — зарубками на забрале

у бездарных кихотов, у пафосных идиотов.
Не нужны нам для бунта стволы от девятой роты.

Набросала в корзину жизнь ерунды — никому не легче.
Да, мы знаем теперь — время только калечит.

У нас лишь сейчас открывается третий глаз:
до победы — полшага, как она далека от нас.

Перевод с белорусского Игоря Белова

Об авторах

Елена Костылева

Автор книг стихов «Легко досталось», «Лидия». Публикации: путеводитель по Праге журнала «Афиша», Empire, «Афиша-Мир», «Афиша», «Большой Город», Harper`s Bazaar, Cosmopolitan, Top Sante, FHM, «Время новостей», «Ведомости», «Эксперт», Газета.ru, Polit.ru; литературные журналы. Шорт-лист премии Андрея Белого (2009).

Леонид Шваб

Родился в Бобруйске в 1961 году. Окончил Московский станкоинструментальный институт. С 1990 г. в Израиле. Живет в Иерусалиме, работает в сфере информационных систем. Публиковался в журналах «Солнечное сплетение», «И. О.», «Двоеточие», «Критическая масса», «Рец», «Воздух». Автор книг «Поверить в ботанику» (М.: Новое литературное обозрение, 2005), «Все сразу» (Л. Шваб, Ф. Сваровский, А. Ровинский. Стихи. — М.: Новое издательство, 2008). Шорт-лист Премии Андрея Белого (2004).

Дмитрий Дейч

Родился в 1969 году в Донецке. Окончил Донецкий политехнический институт. С 1995 года в Израиле. Малая проза Дейча печаталась в антологии «Очень короткие тексты», составленных Максом Фраем сборниках новой прозы «Русские инородные сказки — 2», «Русские инородные сказки — 3» и «Прозак», журналах «Воздух», «Многоточие», «Рец», «Двоеточие» и «Солнечное сплетение». Автор книг «Август непостижимый» (Донецк, 1995), «Преимущество Гриффита» (М.: Livebook, 2007), «Сказки для Марты» (М.: Livebook, 2008). Живет в Тель-Авиве.

Игорь Жуков

Окончил филологический факультет Ивановского университета. Автор четырех книг стихов и сборника малой прозы: «Преимущества маленьких» (Иваново: Изд-во Ивановского университета, 1992), «Бабочка Икс» (Кинешма: Изд-во В. Гоппе, 1995), «Ястребы охлаждения» (Иваново: Изд-во «Иваново», 1999), «Мемориал А. И. Свидригайлова» (М.: АРГО-РИСК, 1998), «Язык Пантагрюэля» (М.: АРГО-РИСК; Книжное обозрение, 2007), «Готфрид Бульонский» (М.: Центр современной литературы, 2008. — Серия «Русский Гулливер»). С 2006 г. в Москве.

Фото © Дмитрий Кузьмин

Сергей Круглов

Родился в 1966 году в Красноярске. Живет в Минусинске, служит священником в Свято-Спасском соборе. Учился в Красноярском государственном университете. Ранние стихи публиковались в журналах «Вавилон», «Знамя», «Митин журнал» и др. В 1999 году принял сан священника и ушел с литературной сцены. С 2006 года

священник Сергей Круглов публикует новые стихи (журналы «Воздух», «Новое Литературное Обозрение», «Знамя», «Зинзивер», «Фома», «Истина и жизнь», Интернет-журналы «Рец», «TextOnly»). Книги стихов: «Снятие змия со креста» (М.: Новое Литературное обозрение, 2003 — стихи прежних лет), «Приношение» (Абакан, 2007), «Зеркальце» (серия «Поэты русской провинции» журнала «Воздух», Москва, 2007) «Переписчик» (М.: Новое Литературное Обозрение, 2008). Лауреат премии Андрея Белого (2008), премии «Московский счёт» (2009). Стихи переводились на английский, французский, итальянский, польский, болгарский.

Вадим Кейлин

Родился в 1984 г. Автор книги стихов «Яблочный Space» (2006). Публикации в антологии «Смена Палитр» (2007), альманахах «Пролог. Молодая литература России» (2006), «Воздушный змей» (Эстония, 2006), «Абзац» (2008), журналах «Интерпоэзия» (№4, 2007) и «Контрабанда» (№4, 2008), сборнике «Перелом Ангела» (2005) а также сетевых литературных журналах («Новые облака», «Рец», «Пролог» и др.).

Фото © Геннадий Бабочкин

Сергей Огурцов

Художник, поэт, переводчик. Родился в 1982 году в Калинине. Окончил University of New South Wales (BA, Sydney), РАШ (РГГУ), Valand School of Fine Arts (MFA, Goteborg). Живет и работает в Москве, Гетеборге, Сочи. Стихи публиковались в антологиях «Солнце без объяснений», «Смена палитр», «Знаки отличия», альманахах «Транслит», «TextOnly». Эссе и переводы публиковались в «Художественном журнале», газете «Что делать», альманахе «Транслит», журналах «НЛО», «База». Участник 3 Московской биеннале современного искусства и многих других выставок.

Сергей Шоргин

Родился в 1952 году в Кировограде. Окончил факультет вычислительной математики и кибернетики МГУ. Доктор физико-математических наук, профессор. Основные области научных интересов — теория вероятностей, моделирование сложных систем, актуарная (страховая) и финансовая математика. Автор семи книг стихов. Переводы стихов — английской, шотландской, американской (США), австралийской, канадской, польской, украинской, белорусской, словацкой, немецкой литературы. Книга переводов «Ворожба» (М.: Водолей Publishers, 2005), публикации в антологиях поэтического перевода «Век перевода» (М.: Водолей Publishers, 2005 и 2006 гг.), в сборниках переводов К. И. Галчинского, А. Хаусмена, Р. Саути, Б. Лесьмяна, Л. Кэрролла, Ю. Тувима и др.

Виталий Суриков

Родился в 1975 году в Минске. Участвовал в создании безымянной группой минских художников рукописных книг «БУ-ЦЭЦ» (1995) и «Мы Песочек Маленький» (1996, 1998 — репринтное издание). Публиковался в альманахе «Монолог» (1999), антологии «Освобожденный Улисс» (2005), сборнике «Знаки Препинания» (2005) и хрестоматии «"Минская школа" на рубеже XX — XXI вв.» (2007). Работает программистом.

Владимир Лукичев

Родился в 1984 году. Поэт, философ, психолог. Занимается странным делом, которое называет «поисками новой целостности». Интересуется развитием психологической концепции психосинтеза. Со-основатель проекта постантропных исследований «Вертикальная Лаборатория» (вместе с Сергеем Огурцовым). Стихи печатались в сборниках «Знаки отличия», «Смена палитр», журналах «Воздух», «TextOnly». Живет в Москве.

Наталья Артемьева

Родилась в 1988 году в Челябинске. Учится в университете (специальность «международные отношения»). Публиковалась в журналах «Транзит-Урал», «Альтернация», в Интернете.

Марк Кирдань (Максимов)

Родился в 1988 году в Якутске, учится в литературном институте на семинаре прозы. Публикации на сайтах «Полутона», «Литературная карта России», «Органон», в журналах «Новая реальность», «Альтернация», в сборнике «Тверской бульвар, 25».

Иван Бекетов

Живет в Алматы. Родился в 1986 году в селе Мерке Жамбылской области Казахстана. По окончании гимназии поступил на филфак КазНПУ, ушел с четвертого курса. Работает редактором и обозревателем в одном из казахстанских еженедельников. Один из основателей антикоммерческого издания «Ышшо Одын».

Фото © Софья Чеснокова

Гали-Дана Зингер

Поэт и переводчик (русской литературы на иврит, израильской — на русский). Родилась в Ленинграде. Училась на театроведческом факультете Института Театра, Музыки и Кинематографии. С 1988 года живет в Иерусалиме. Редактор журналов «ИО» (1994 — 95, совместно с И. Малером и Н. Зингером) и «Двоеточие» (с 1988 года, с 2001 года на иврите и русском). Автор пяти книг стихов на русском языке и трех книг на иврите. Русские стихи публиковались также в журналах «22», «Солнечное сплетение», «Стетоскоп», «Камера хранения», «Воздух», «Арион» и др. Лауреат ряда израильских литературных премий.

Фото © Дмитрий Вилькин

Мартин Цамай

1925 — 1992. Родился в Темали, в срединной части Албании. В 1948 году эмигрировал в Югославию, окончил Белградский университет, изучал лингвистику и защитил диссертацию в Римском университете. В 1970 — 1990 годах преподавал албанистику в Мюнхенском университете. Умер в Германии. Автор десяти книг стихов, издававшихся в Приштине, Риме и Мюнхене, и трех романов.

Исмаэль Кадаре

Родился в 1936 году в Гирокастре. Учился на историко-филологическом факультете Тиранского университета, в Литературном институте в Москве. С 1960 года живет в Албании, с 1990 года — во Франции и Албании. Прозаик, автор многочисленных романов, переведенных на многие языки. Лауреат премии Чино дель Дука (1992), Букеровской премии (2005). В разные годы писал стихи; ранние стихи переведены на русский (Лирика. — М.: Издательство иностранной литературы, 1961).

Визар Житии

Родился в 1952 году в Дурресе. Окончил педагогическое училище в Шкодере, работал школьным учителем. Подготовил к печати книгу стихов в 1973 году, но книга не вышла из-за «антилиберальной» кампании в искусстве. В 1979 году был арестован, приговорен к 13 годам лагерей, освобожден в 1987 году. В 1991 — 1994 годах жил в Западной Европе и США. Вернувшись в Албанию, работал журналистом, издателем, был депутатом парламента, занимал дипломатические должности. С 1993 года опубликовал не менее шести книг стихов (первая, «Память воздуха», — Тирана, 1993), изданных в Тиране, Скопье и Приштине; две книги прозы.

Рита Петро (Рита Филипи)

Родилась в 1962 году. Окончила Тиранский университет, работает в издательском бизнесе. Автор трех книг стихов («Позорные стихи», «Вкус инстинкта», «Они тут поют вживую»).

Брикена Смайли

Родилась в 1970 году. Живет в Шкодере. Автор двух книг стихов («Волчицы умирают последними», «Каждый день я строю дом из щепок»).

Парид Теферичи

Поэт, художник. Родился в 1972 году. В 1994 — 2005 годах жил в Италии. Автор двух книг стихов («Сделано издали» и «С тех пор, как глаза»).

Ромео Чоллаки

Родился в 1973 году. После окончания университета уехал в Грецию, живет в Афинах. Публикации в антологиях поэзии, переводы с греческого, французского.

Таня Бакич

Родилась в 1981 году. Живет в Подгорице. Поэт, эссеист, переводчик, критик. Книги стихов «Береговая улитка», «Больная роза», «Трава». Автор книг нон-фикшн («Мадонна: рабыня или королева», «Путеводитель по Черногории»).

Фото http://www.rhiz.eu/person-45419-en.html

Мария Мартысевич

Поэт, писатель, журналист, переводчик. Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета. Автор книги эссе и стихов «Драконы летят на нерест» (2008).

Виктор Жибуль

Поэт, литературовед. Родился в 1978 году в Минске. Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Белорусского государственного архива-музея литературы и искусства. Автор книг стихов «Когда в хате диверсант», «Рога гор», «Мерзостный крик», «Диафрагма».

Сергей Прилуцкий

Родился в 1980 году в Бресте. Переводчик с польского, украинского, английского. Автор книги стихов «Девяностые forever» (2008). Под псевдонимом Сирошка Пистончык – соавтор (вместе с Уласиком Смаркачом) книги дегенеративной прозы «Йопыты двух молодых нелюдей» (2009).

Переводчики:

Андрей Сен-Сеньков

Родился в 1968 г. С 2002 г. в Москве. Поэт, прозаик, фотохудожник. Автор шести книг стихов. Шорт-лист Премии Андрея Белого (2008).

Борис Херсонский

Окончил Одесский медицинский институт. Заведует кафедрой клинической психологии Одесского национального университета. Публикации в журналах «Арион», «Воздух», «Крещатик», «Новый мир», «Октябрь», «Слово\Word», «Новый берег», «Интерпоэзия», «Новое литературное обозрение». Автор 15 книг стихов. Шорт-лист Премии Андрея Белого (2007). Стипендиат Фонда Бродского (2008).

Игорь Белов

Поэт, переводчик. Родился в 1975 году в Ленинграде. Стихи публиковались в журналах «Знамя», «Новый мир», «Воздух», «День и ночь», «Север» и др., переводы современной украинской и белорусской поэзии — в журналах «ШО», «Воздух» и «TextOnly». Автор книг стихов «Весь этот джаз» (2004) и «Музыка не для толстых» (2008). Живет в Калининграде.